

*Серия
Биография*

Евгений СТЕПАНОВ

**ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
НИНЫ КРАСНОВОЙ**

(Книга-интервью)

Издательство Вест-Консалтинг
Москва 2025

УДК 82-94

ББК 84 (2Рос=Рус)6

С 79

Евгений Степанов

С79 Жизнь и творчество Нины Красновой /

Книга-интервью. Серия Биография —

Москва: Вест-Консалтинг, 2025 — 102 с., илл.

ISBN 978-5-91865-822-2

В книге-интервью Евгения Степанова «Жизнь и творчество Нины Красновой» прослеживается путь замечательной русской поэтессы Нины Красновой, которая рассказывает не только о себе и своих родных, но и о своих учителях и современниках — Владимире Солоухине, Юлии Друниной, Евгении Долматовском, Николае Старшинове, Викторе Бокове, Викторе Астафьеве, Тамаре Жирмунской, Римме Казаковой, Татьяне Бек, Андрее Дементьеве, Евгении Евтушенко, Андрее Вознесенском, Валерии Дудареве и других.

Книга рассчитана на широкую аудиторию.

*Фотографии — из личного архива
Нины Красновой.*

УДК 82-94

ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Степанов Е., 2025

© Краснова Н., 2025

© «Вест-Консалтинг»,

ISBN 978-5-91865-822-2

оформление, 2025

Предисловие

Как много сейчас распиаренных поэтов, не умеющих писать стихи. Эти поэты уже потеряли всяческий стыд и, подогреваемые ловкими мастерами литературной пропаганды, соревнуются друг с другом, кто больше получит премий.

Как много сейчас однотипных стихов — обязательно без знаков препинания и ни о чем. Ровненькие столбики рифмованного lego-конструктора.

А ведь рядом с нами живут гениальные поэты, ни на кого не похожие, ни с кем не сравнимые! Самородки! Самородки, имеющие к тому же высочайшую культуру, владеющие разными стихотворными техниками, истинно народные поэты.

У талантливейшей Нины Красновой очень мало публикаций в постсоветской России. Кроме журналов Союза писателей XXI века «Дети Ра» и «Зинзивер» — ни одной в изданиях, входящих в престижный портал «Журнальный зал». Оставим это без комментариев.

Нина Краснова — выходец из Рязани, ее стихи пропитаны фольклором, русским самовитым, неподцензурным словом, она подлинный

мастер стиха. В ее арсенале широчайший набор поэтических средств: и частушка, и раешник, и речитатив, и плач, и заговор...

Ее рифмы, как правило, точны и при этом неожиданны: наивысшей — нависшей; похвалы — пахлавы; тропой — толпой; начиняю — начинаю. А бывает, что Краснова использует — когда это необходимо — банальные рифмoids.

Краснова — это прекрасная душа русского народа, это чистый и мудрый голос в нашей печальной действительности. Это национальный поэт. Лицо нации.

Очевидно, что Нина развивает высокие традиции Николая Клюева и Николая Тряпкина, Ольги Фокиной и Ксении Некрасовой и, конечно, Сергея Есенина. Все ее тексты основаны на фольклоре. Вот характерное стихотворение:

Шла я по жизни, шла,
К развилке дорог пришла.

Одна дорога — направо.
Другая дорога — налево.
А третьей дороги нет,
А прямо — дороги нет.

Камень лежит у развилки дорог.
У камня стоит здоровенный бульдог.
На камне сидит сова.
На камне такие слова:

«Направо пойдешь —
Славу и деньги найдешь,
Любовь потеряешь.

Налево пойдешь —
Любовь найдешь,
Славу и деньги потеряешь.

Прямо пойдешь —
Правду найдешь,
Славу, деньги и любовь потеряешь.
Пропадешь».

Над камнем дорожный знак:
«Можно идти направо,
Можно идти налево,
А прямо нельзя никак,
А прямо нельзя никак.
Прямо дороги нет,
Прямо дороги нет».

Ворон на ветхой сосне
Прокаркал вежливо мне:
— Куда, гражданка, пойдешь?
Прямо пойдешь — пропадешь.
Хочешь, направо тебя провожу?
Хочешь, налево тебя провожу?
Куда, гражданка. пойдешь?
Направо? Налево? Куда?

— Прямо пойду! туда!

— Прямо пойдешь —
Пропадешь!

— Авось не пропаду.
А пропаду так пропаду.
Зато правду найду.

Но прямо дороги нет!
Но прямо дороги нет!

— А я ее проложу!

*6 марта 1985 г.,
Рязань, Дашково-Песочня*

Особый разговор — частушки Нины Красновой. Они всегда раскованны, смелы, зачастую с соленым словцом, ну а как же иначе — в частушке! Ненормативная лексика в припевках Красновой всегда оправдана.

Он спросил с подъе...очкой,
Что у меня под юбочкой.
А я не сказала,
Взяла и показала.

Нина Краснова умеет шутить и умеет грустить (трагичен ее цикл стихов об ушедших из жизни маме и сестре).

Краснова ни на кого не похожа. Это самостоятельный, глубокий поэт. Она привнесла в русскую поэзию свой рязанско-мещерский словарь, невероятную открытость, лиричность на грани фола. И при этом — неслыханную чистоту.

Завтра я уеду от тебя,
Завтра я уеду от тебя,
Море мое, моречко,
Горе мое, горечко.

Я к себе уеду во Рязань,
Я к себе уеду во Рязань —
Далече-далеченьки.
До встречи, до встреченьки!

Я возьму на память о тебе,
Я возьму на память о тебе
Не янтарны камушки
Для себя и мамушки,

А возьму на память о тебе,
А возьму на память о тебе
Розовы ракушечки
В этой коробушечке.

А еще на память я возьму,
Эту фотокарточку возьму —
На вечно сбереженьице —
Твое изображеньице.

Как же я уеду от тебя,
Как же я уеду от тебя,
Море мое, моречко,
Горе мое, горечко?

*20 октября 1982 г.,
Дубулты, Дом творчества*

...Нине Красновой выпал удивительный дар. Выражая себя, она выражает этнос. Это бывает крайне редко.

В этой книге выдающийся поэт Нина Краснова, отмечающая в 2025 году славный юбилей, отвечает на мои вопросы.

Увлекательного чтения!

Евгений СТЕПАНОВ

Для начала несколько биографических строк.

Нина Краснова — поэт. Родилась в Рязани. Стихи пишет с семи лет. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Евгения Долматовского). В 1979 году выпустила первую книгу стихов «Разбег» (в «Советском писателе») и была принята с нею в Союз писателей СССР. Печаталась в журналах «Юность», «Москва», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Студенческий меридиан», «Крокодил», «Обозреватель», «Время и мы» (Нью-Йорк — Москва), «Наша улица», «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик», «Другие», в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Московский год поэзии», «Истоки», «Кольцо А», «ЛитРос», «Русский смех», «Муза», «Эолова арфа», «Золотое руно», «Литературные знакомства», «ЛиФФт», «Яблочный Спас», «Литературная Рязань», «Под небом рязанским», «Чаша круговая» и т. д., в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Независимая газета», «Московскийсомолец», «Книжное обозрение», «День литературы», «Слово», «Экспресс-газета», «Литературные известия», «Поэтоград», «Литературная гостиная» и т. д., в разных коллективных сборниках и антологиях, в том числе в антологиях «Поэзия. XX век»,

«Поэзия. XXI век», «Жанры и строфы современной русской поэзии». Автор более 30 книг стихов и эссеистической прозы. Главный редактор альманаха «Эолова арфа». Член Союза писателей СССР с 1980 года, член Союза российских писателей, член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века, Союза профессиональных литераторов, Союза писателей Северной Америки, Русского ПЕН-клуба. Лауреат премий им. Анны Ахматовой, им. Николая Рубцова «Звезда полей», Де Ришелье «Изумрудный Дюк», «Янтарный самородок», «Писатель XXI века», номинант и лауреат премии «Парабола», обладатель спецприза Фонда им. Андрея Вознесенского «За талант». Академик МАРЛИ (Международной Ассоциации Развития Литературы и Искусства).

Член жюри премии «Московский счет», член жюри ежегодного фестиваля «Под небом рязанским», член жюри московского фестиваля «Победа в сердцах поколений».

Стипендиатка Министерства культуры России и Союза писателей Москвы.

Печаталась не только в своей стране, но и за рубежом — в Болгарии, Венгрии, Румынии, Польше, Чехословакии, Германии, Норвегии, Италии, Франции, США, Израиле, Индии, Китае, на Кубе, в Алжире, Сирии, Эфиопии и т. д. С 1992 года живет в Москве.

А теперь вопросы и ответы.

— Нина, расскажи о себе, о своем детстве! Когда ты начала писать стихи? Помнишь свое первое стихотворение?

— Я по гороскопам Рыба-Тигр, родилась 15 марта 1950 года, в Рязани, в самом центре города, около площади Ленина, в «сером и сыром подвале», «в том, куда от бомбежки прятались люди в войну», который располагался на углу улицы Революции (Соборной) и улицы Кольцова (Горшечный ряд, где не боги горшки обжигают). Росла без отца, с мамой, Красновой Марией Петровной (в девичестве Аношкиной), уроженкой села Солотча, инвалидкой второй группы по зрению, и с двумя старшими братьями, Владимиром и Вячеславом, и старшей сестрой Татьяной. С 2-х до 7-ми лет ходила в круглосуточный санаторный детсад-«пятидневку» на улице Пролетарской. Там и сочинила свое первое стихотворение, когда еще не умела ни читать, ни писать. В 3 года, в малышовой группе, когда играла с ребятами в песочнице и показывала им свой новый носовой платочек. Он был синий, с мелкими белыми горошками, как мой новый сарафанчик, а стихотворение у меня получилось с отступлением от реальности:

У меня платочек.
На платке цветочек.

Позже — классе в пятом — я досочинила
еще две строки:

На цветочке — пчелка,
С бантиком и челкой.
(Или: На лбу у пчелки челка.)

А написала я свое первое стихотворение
в 7 лет, когда училась в первом классе. Это было
зимой, дома, в подвале. Мы с моей сестрой Та-
ней, которая была на 4 года старше меня, сидели
у окна, за большим дубовым столом. Я рисова-
ла картинки в альбоме, цветными карандашами,
а она что-то писала в тетрадке, чернилами, дере-
вянной ручкой с металлическим пером «Звездоч-
ка»... И вдруг написала и прочитала мне вслух
свое первое стихотворение. Обо мне! От моего
лица! О том, как я рисую:

У меня карандаши, разные, цветные,
Я рисую ими хорошо, красиво.
Я рисую ими мальчиков и девочек,
А еще рисую я зайчиков и белочек.

Я была потрясена этим! И решила взять пример со своей сестры и тоже написать стихотворение. Маленькие дети любят подражать старшим, как обезьянки. Я посмотрела в окно, за которым падал и кружился на ветерке снег, и написала:

Снег кружится, порхает,
На ветерке летает,
Дороги замечает,
Всех за уши щипает.

Действие мороза у меня перенеслось и наложилось на действие снега, причем глагол «летает» срифмовался с глаголом неправильной (просторечной) формы «щипает». И с того дня я стала писать стихи. В основном о природе, о временах года, пейзажные — о зиме, весне, осени и лете. Это было для меня таким же интересным и приятным занятием, как рисовать картинки и играть с сестрой в куклы. Учительница начальных классов (в школе-интернате № 1, где я училась с 1-го по 8-й класс) Анастасия Григорьевна Хорохорина и учительница русского языка и литературы (с 5-го класса) Людмила Борисовна Тукмакова, у которых я всегда была отличницей по всем предметам, поощряли мое стихотворчество и иногда просили меня среди урока выйти к доске и прочитать свои стихи классу. И я уже

с детства мечтала стать... поэтессой и вообще писательницей в широком смысле слова, хотя и много кем еще, учительницей, художницей, артисткой театра и кино, эстрадной певицей, но больше всего — писательницей, я с 5 класса — под влиянием прозы Анатолия Алексина, Геннадия Мамлина, Яна Ларры, их книг в жанре дневников, вела дневники, чтобы потом использовать их в своей прозе... (Они у меня, кстати сказать, сохранились.)

— А почему ты ходила в детсад с двух лет, когда была еще почти в ясельном возрасте?

— Потому что, как говорила мне моя мама, я в два года была очень развитым ребенком, не по годам развитым. Сама умела одеваться и обуваться и ходить на горшок. И очень аккуратно ела, не просыпала на себя и на скатерть ни единой крошки хлеба. И никогда не капризничала, не плакала. А кроме того в два года я с первого раза запоминала и декламировала наизусть стихи для детей и даже целые книжечки стихов, которые читала нам в детсаду, в малышейовой группе, воспитательница Варвара Ильинична. И она, когда ей надо было отлучиться куда-то на какое-то время, сажала меня на стульчик посередине комнаты, давала мне в руки какую-нибудь книжечку

и говорила: «Я сейчас вернусь, а ты, Нина, пока почитай ребятам книжку». И ребята садились вокруг меня, кольцом, и я, которая не знала грамоты и не умела ни читать, ни писать, «читала» им наизусть эту книжечку, листая ее так, чтобы мой устный текст совпадал с картинками в ней: «Люли-люли-люли, прилетели гули», «Кто тут Петя, кто Серёжа? / Не могу понять я. / Друг на друга так похожи / Комаровы-братья...»

И всегда я, по просьбе воспитательниц, участвовала в утренниках, объявляла номера программы громким голосом, с выражением и с четкой дикцией, и пела песни, например, «По малину в сад пойдем, в сад пойдем», и танцевала, например, танец снежинки, и читала стихи какого-нибудь поэта, которые знала. Все воспитательницы любили меня и хвалили меня моей маме. И моя мама гордилась мной. А моя крестная, «крестна», Пелагея Илюхина, тетя Полина, называла меня Один Ум: «Нина не девочка, а Один Ум».

Детсад, как я уже сказала, был круглосуточный. Мама приводила меня туда в понедельник, а в субботу забирала домой, где нас в двенадцатиметровом подвале было пятеро — она, я, моя сестра и два моих брата, и еще кошка и собака, и где не было таких условий, как в детсаду. Но я всегда скучала по дому и ждала, когда мама придет за мной. Она навещала меня

и среди недели, приносила мне пряники-жамки или конфетки-подушечки или, летом, корзиночку с ягодами. И, кстати сказать, называла меня ягодкой малинкой: «Ты — моя Малинка». Еще она называла меня Милушей и Зорей: «Ты — моя Милуша, ты — моя Зоря (с ударением на «о»)...»

— Потом ты с 1-го по 8-й класс училась в школе-интернате...

— Да... Первые две четверти я училась в простой школе № 2, неподалеку от Рязанского Кремля, на четверки и пятерки. А потом уже — в интернате, в районе Горрощи, на улице Полетаева, 14... Маме было трудно растить и воспитывать нас, четверых детей, одной, в тесном подвале, где не было никаких удобств, ни отопления, ни воды. Воду она приносила с колонки. А сколько надо было натаскать этой воды, чтобы ее хватило на все и на всех? Отопление было печное. Мама рубила дрова и топила ими печку... К тому же она была инвалидка второй группы по зрению (близорукая) и получала очень маленькую пенсию... 23 рубля в дохрущёвской номинации. А в Рязани в 1957 году как раз открылась первая школа-интернат, куда принимали детей из бедных и неполных семей (на бесплатное

обеспечение), но только таких детей, у которых была хорошая успеваемость, то есть полноценных, а не дефективных и умственно-отсталых. И тогда сотрудники горно посоветовали маме, чтобы она определила в интернат мою старшую сестру Таню. Но у Тани были проблемы со здоровьем, с легкими. И сотрудники сказали маме: «А у вас есть еще младшая дочка, маленькая». И мама не то чтобы сдала меня в интернат, а сказала мне: «Тебе там будет хорошо. Там у тебя будет своя кровать (а мы дома спали на кровати вдвоем, с мамой и сестрой, а иногда еще и с братом). И у тебя будет свой столик для тетрадок и книжек, своя парта. И будет много игрушек... А по субботам ты будешь приходить домой». Мне не хотелось идти в интернат, но я знала, понимала, что это надо, чтобы маме было легче, а то ей очень трудно с нами. И я послушалась ее, потому что я свою маму очень любила.

А в интернате я была «первый ученик среди ребят», круглая отличница по всем предметам и «среди мальчишек всегда герой», а среди девочек и подавно, и — была очень активным октябреньком, командиром «звездочки», и активной пионеркой, председателем совета отряда и председателем совета дружины, и редактором и художественным оформителем стенгазет, и старостой хора, и членом драмкружка и артисткой, которая

играла в школьных спектаклях главные роли — Женьку из «Тимура и его команды», Красную шапочку из сказки «Красная шапочка», а еще и Синюю шапочку из спектакля «Синяя шапочка» и подростка Мишку из рассказа Николая Носова «Мишкина каша»... И вспоминаю свою школу с благодарностью и с ностальгией.

Правда, когда я окончила интернат, то уже никогда больше не бывала там, только один раз, лет через сорок приехала туда с моим другом, русско-греческим певцом и композитором Анатолием Шамардиным на «Ниссане Лауреле» и привезла ребятам несколько пачек журнала «Наша улица» с публикацией своих стихов. Но это было, наверное, в воскресенье, вечером, и никого из персонала я не видела, кроме нянечки, которой и передала все журналы, и кроме ребятшек, которые прыгали около нас с Анатолием, как веселые щенятки.

— Расскажи поподробнее о своих родителях, о своем роде!..

— Моя мама, которую я в детстве звала не мамой, а матушкой, потому что слово «мама» казалось мне каким-то слишком нейтральным, родилась в селе Солотча Рязанского района Рязанской области, в Мещёре, в 1919 году.

Была, как тогда говорили, из «хорошей», зажиточной семьи, из хорошего рода, как и вся наша родня, которой было много по всей Мещёрской ветке, от Солотчи до Заборья, Спас-Клепиков, Кriuши и деревни Ласково, и до самой Тумы. И все в нашей родне по линии матушки были в основном травницы, знахарки, целительницы, пчеловоды, садоводы, лесники... и все были труженики. А «лобуды», «лохматы», «гольтепы», если говорить рязанским солотчинским языком моей матушки, то есть бездельников и разного отребья, в нашей родне, в нашем роду не было.

Мой прадед Карп Конин владел в Солотче мельницей, которую все в селе называли Карпушиной мельницей. Мать моей матушки, а моя бабушка, дочь Карпа Кониная, Дарья Фёдоровна Кониная, вышла замуж за своего односельчанина — Петра Николаевича Аношкина.

Пётр Николаевич Аношкин, отец моей матушки, а мой дед, был портным высшего класса, занимался «шитвом», как говаривала мне моя матушка, шил по заказам мужские костюмы и военные шинели. Славился за пределами Солотчи, к нему приезжали со своими заказами жители соседних сел и важные люди из Рязани, в том числе и богатые евреи Клемеры и Зильберборты, которые держали в Рязани большие дома. Моя мама девочкой помогала ему делать шлёвки

на шинелях, была рукодельница. И, как она говорила мне: «Многих наших родственников, например, Лялиных, которые владели в Солотче универмагом, раскрулачили в период коллективизации и раскулачивания, а нас, Аношкиных, не тронули, только потому, что мы были из семьи мастеровых, хотя в то же время мы и крестьянствовали, как все жители села. У нас и священники крестьянствовали, и сами доили своих коров у себя в хозяйстве».

Мама моей мамы, Дарья Фёдоровна Аношкина (в девичестве Кони́на), моя бабушка, была домохозяйка и, как ее называли в семье, «барыня», умерла рано, в 45 лет. Простудилась и подхватила воспаление лёгких. Я ее никогда не видела, только на фотографии, где она сидит рядом со своим мужем, отцом моей мамы, а моим дедом. Оба там молодые. Она в платке «с рожками» под ним. А своего деда Петра Николаевича Аношкина я видела живьем, когда он приезжал из Солотчи к нам в Рязань, в наш подвал, и привозил нам гостинцы... Он умер в 73 года. Простудился, когда весной городил изгороду на задах огорода и стоял в сапогах по колено в холодной талой воде. Про него я написала стихотворение, после того, как в 1979 году побывала в Солотче на кладбище, а жительница Солотчи тетя Феня Аминова показала мне его могилу и рассказала мне о нем.

РАССКАЗ СТАРОЖИЛА О МОЕМ ДЕДЕ

«Дед Аношкин честно прожил век.
Зря себя... того... не баловал спиртным.
Дед Аношкин был хороший человек,
А еще «добре»^{*} хорошим был портным.

Сколько жил — работал да трудился,
Сельсовет его медалью наградил.
Эка жалость, рано помер — простудился:
В сырость изгороду за задами городил.

Денег дед лопатой не греб.
Но в Солотче почитался — не секрет.
Каждая семья, как проносили гроб,
Возле дома выставляла табурет^{**}.

* Добре — здесь это не существительное, а рязанское простонародное наречье, синоним наречья «очень» (добре хороший человек, т. е. очень хороший). — **Н. К.**

** По старинному русскому обычаю, когда хоронили человека и проносили по селу его гроб, каждая семья, особо почитавшая покойного при жизни, выставляла возле своего дома табуретку. Процессия останавливалась возле дома, гроб ставили на табуретку, и члены семьи этого дома прощались с покойным и бросали в гроб деньги. — **Н. К.**

...Сколько жил — работал да трудился.
И здоровьем вот своим не дорожил.
Кабы он тогда, весной, не простудился,
И теперь, глядишь бы, жил бы да и жил...»

*2—3 сентября 1979 г.,
Солотча*

Моя матушка, Краснова Мария Петровна (в девичестве Аношкина), жила в Солотче всего до 16-ти лет. Окончила там в школе пять классов, что тогда считалось в селе чуть ли не высшим образованием. Работала на почте телефонисткой. Была первой девкой на селе. Сочиняла частушки. Причем многие из них экспромтом, когда выходила плясать на круг:

Я любила Шурочку
За его тужурочку.
Теперь Шура не хорош.
Убирайси, куды хошь.

Она вышла замуж за парня из соседнего села Заборье, за Петра Краснова, который был старше нее на 7 лет и каждый день ходил к ней из Заборья в Солотчу. Про него она сочинила такую частушку:

Неужели ты не слышишь,
Мой не слышишь голосок?
Расстоянье небольшое —
Только поле да лесок.

Ничего себе — голосок, который слышится
через поле и лесок.

Пётр Краснов увез ее из Солотчи в Рязань, где у них родилось семеро детей, «семеро козлят», в том числе, последняя — я, «седмитка» (а, между прочим, о «седмитке» в старинном справочнике говорится, что она должна быть счастлива), но когда я родилась, я была не седьмым, а четвертым ребенком в семье. Потому что трое перед войной и в войну умерло, в младенческом возрасте: Петя, Слава, в честь которого потом Славой назвали моего брата Вячеслава, и Нина, в честь которой меня называли Ниной.

Пётр Краснов, Пётр Яковлевич Краснов, мой отец, был из семьи донских казаков, которая приехала с Дона в Заборье в период раскулачивания и расказачивания казаков. Он был по-славянски «дьявольски красив», с военной выправкой, и гордился своей фамилией: «Я — Краснов!» Он был грамотный. Писал для местной газеты острые статеечки, одна из которых о том, что коровы в колхозе, в стойлах, падают

от голода и что этих коров, чтобы они не падали, привязывают веревками к брусьям. Он любил читать книги. И читал моей маме вслух книгу стихов Маяковского и большую книгу анекдотов про Пушкина, например, о том, как Пушкин гулял вечером по улице, смотрел на звезды в небе и увидел трех светских дам на балконе большого дома и тут же сочинил и с пафосом прочитал им стихи: «В небе светят три звезды. / На балконе — три ...зды». Моя мама рассказывала мне об этом. Но жизнь с Петром Красновым у них не сложилась. Хотя и мама любила его, и он любил ее, и она состояла с ним в законном браке до самой его смерти (в 1985 году) и до самой своей смерти. Я не буду здесь рассказывать, почему у них не сложилась жизнь. Мама говорила, что они оба были с характером, а она была слишком молода и «самонравна» и неопытна, и у них в отношениях друг с другом, как говорится, «нашла коса на камень». Мама никогда не ругала нас нашего отца, но не жила с ним и растила и воспитывала нас одна. А он все хотел сойтись с ней.

Про моего отца у меня есть такие стихи:

ДВЕ ФОТОКАРТОЧКИ

Я не знаю тебя, отец,
В детстве видела раза два,
Помню смутно, едва-едва.
Только знаю, что ты — не подлец,

Что хороший ты человек,
По рассказам мамы моей.
Ей за весь ее полувек
Не был ближе никто и милей.

Вот на карточке ты стоишь,
Вот она — не узнаешь враз.
Даже общей карточки, ишь,
Не осталось с нею у вас.

На тебя, на нее погляжу
И попробую способ простой:
Обе карточки, эту с той,
Словно две половины, сложу.

В том, что вы не сжились, разошлись,
Виноваты не ты, не она,
Виноваты не вы, а жизнь,
И еще (отдаленно) война.

*11 мая 1979 г., Рязань
(и 16 февраля, 1980 г., Солотча, турбаза)*

А про мою маму, матушку, у меня есть такие стихи. Вологодский поэт Виктор Коротаев вставил их в антологию стихов «Мать»:

* * *

Нас, четыре малых деревца,
Под сочувственные оханья соседушек
Мать одна растила, без отца
И без всяких бабушек и дедушек.

Мать одна нам заменяла всех.
Мы нужды в отце как будто не видали.
И плясал под абажуром светлый смех
В нашем сером и сыром подвале.

Мать не трогала нас пальцем никогда,
Нам обновки по заказу шила.
С нею никакая нас беда,
Никакая лихоманка не страшила.

Вот и выросли четыре деревца,
Да не хуже всех других ребят и девушек,
Вот и выросли без всякого отца
И без всяких бабушек и дедушек.

*16 февраля 1980 г.,
Солотча, турбаза*

Мой брат Вячеслав тогда работал на заводе «Рязцветмет», в отделе КИП и автоматики, и взял мне от завода путевку на турбазу, потому что дома у меня не было своего уголка и условий для уединенной творческой работы, а на турбазе мне дали отдельную комнату. — **Н.К.**

— **У тебя есть стихи о Солотче, откуда родом твоя мама?**

— Да. Когда я и мы с сестрой были маленькими, наша матушка всегда рассказывала нам о Солотче, причем с такой любовью, что Солотча представлялась нам сказочной страной в сосновых борах, Берендеевым царством. И когда мне было годика четыре, а сестре восемь, мы решили отправиться в Солотчу, чтобы увидеть ее своими глазами. И сели в автобус и приехали туда. И нашли избу, где жил наш дедушка Пётр Николаевич Аношкин. Правда, он жил там уже не с бабушкой Дарьей, которая умерла, а с бабушкой Натальей из села Давыдово, на которой женился через 15 лет после того, как потерял Дарью. Но бабушка Наталья встретила нас радушно... В результате чего у меня через много лет сочинилось такое стихотворение:

СОЛОТЧА

Сестре Тане

Вот она, Солотча — солодка чаша!*

Древний монастырь. Столовая вот.
Сосны... дачи, дачи... И бабушка наша
В красном переднике стоит у ворот,

Будто бы из жизни другой, нереальной.
Вот изба в наличниках, в нежной резьбе.
Не хватает явно доски мемориальной
На избе.

У крылечка сложены стопкой поленья.
Дверь приотворяем — ох, тяжела.
Здесь еще до нашего на свет появленья
Девочкой с куклами мама жила.

3 июля 1977 г.,

Москва, Литературный институт

* Солотча — старое написание Солодча (через букву «д»), что, по некоторым этимологическим источникам, значит — сладка (солодка) чаша. — **Н. К.**

Солотча — это такое благословенное, сакральное место, находится в 20 км от Рязани, в Мещёре, в сосновых борах (сейчас это не село, а курортный посёлок, который входит в черту города). В Солотче есть монастырь Рождества Богородицы, основанный князем Олегом Рязанским в 1380 году. Иконы иконописцев этого монастыря доходили до горы Афон. Есть в Солотче и церковь, которая в 30-е годы была разрушена, но в 90-е годы восстановлена и действует.

В Солотче в свое время жили и работали художники Архипов (1862—1930) и Мялявин (1869—1940), картины которых висят в Третьяковской галерее... в Солотче жил и работал гравер Пожалостин (1837—1909), здесь есть его музей... в Солотче писали свои книги Паустовский (1892—1968), Гайдар (1904—1941), Фрайерман (1891—1972), Константин Симонов (1915—1979), а Солоухин (1924—1997) написал здесь свои «Владимирские проселки», а Солженицын (1918—2008) — первую часть «Архипелага».

И, между прочим, здесь бывал Есенин (1895—1925), приезжал к учительнице Серафиме Сардановской и качал ее в гамаке между соснами и выступал в школе у печки со своими стихами, о чем мне рассказывала моя матушка, которая видела и слышала Есенина, когда он выступал в школе, куда она, дошкольницей, ходила

со своими старшими братьями, Григорием и Фёдором. А потом моя мама с первого по пятый класс училась у Серафимы Сардановской.

— Как хорошо, что у тебя такая глубокая связь с родной Рязанщиной. Уверен, что это во многом сформировало твой поэтический стиль. Ты привнесла в русскую поэзию свой рязанско-мещёрский словарь, крестьянско-провинциальное мировоззрение.

— За это спасибо моей матушке — у нее был очень богатый простонародный рязанский, с солотчинским колоритом язык, в который входили и пословицы, и поговорки, и прибаутки, и присловья, и заклички, и загадки, и потешки, и корилки, и баюкалки, и старинные песни, и частушки... в том числе и ее собственные частушки. И все это она передала мне. Она была очень творческая натура, и у нее была очень хорошая художественная память, откуда она извлекала то что-то одно, то что-то другое. Моя матушка была моей Ариной Родионовной. Мне очень повезло, что именно она была моей мамой. Она безгранично любила меня и поддерживала во всем и верила в меня и в мои творческие силы и в мой успех на литературном поприще и в мою счастливую звезду. И молилась за меня. И за всех своих

детей, моих братьев и сестру, которых она тоже любила и поддерживала во всем.

— Как ты, провинциалка, пробилась-поступила в Литературный институт? Как училась? Каким педагогом был Евгений Аронович Долматовский?

— Когда я училась в девятом классе, то узнала из газет, из «Литературной России» и из «Литературной газеты», что на свете есть Литературный институт, но, чтобы поступить туда, надо не только пройти творческий конкурс и хорошо сдать экзамены, но надо еще и иметь два года рабочего стажа. И я думала-думала, куда мне пойти работать после окончания школы. И пошла работать в газету «Ленинский путь» Рязанского района, которая находилась в поселке Соколовка. Причем меня взяли туда без испытательного срока, после первой же моей командировки в совхоз Варские-Шумашь и после первой же моей статьи, которую я написала по заданию редакции, на вольную тему — о культуре и быте жителей села. И я проработала в газете литсотрудником отдела искусства, культуры, быта, спорта и происшествий целых 3 года. Там и стихи свои публиковала время от времени. И потом, в 1971 году, послала свои стихи

в приемную комиссию Литературного института и... прошла творческий конкурс, 100 человек на одно место, и хорошо сдала экзамены, набрав 24 балла при проходном балле 20. Но в списке студентов, который был вывешен на улице, на стене около двери в приемную комиссию, себя не обнаружила. Спросила у ректора Владимира Фёдоровича Пименова: «А почему меня нет в списке студентов?» — Он ответил: «Машинистка пропустила вашу фамилию, когда печатала список». (А на самом деле, как мне потом сказали компетентные люди, в институт вместо меня взяли кого-то по блату, рассудив так: «Нина Краснова — девочка из провинции. Никуда жаловаться на нас не пойдёт».) — «И что же мне теперь делать?» — спросила я. — «Приходите поступать в институт через год». — «Без экзаменов?» — «Нет, с экзаменами». Это для меня был полный крах! Потому что ни о чем я так не мечтала тогда, как о Литературном институте! Редактор «Ленинского пути», Виктор Михайлович Четвериков, когда я уезжала в Москву на экзамены, сказал мне: «Нина, если ты не поступишь в институт, возвращайся к нам в газету». Но я не вернулась ни в газету, откуда ушла с концами, ни в Рязань. Я устроилась работать на хлебозавод № 6, пекарем-выборщиком, по лимиту. И раз в месяц

посещала народный университет при ЦДЛ, куда мне посоветовал ходить Пименов. Там выступали маститые поэты, Винокуров, Межиров, Тарковский, Николаев (отец Олеси Николаевой)... И выступил на одном из вечеров Владимир Солоухин, книги которого я очень любила, и стихи, и прозу — «Владимирские проселки», «Капля росы», «Черные доски», и «Мать-мачеха», героиней которой Митя Золушкин мечтал поступить и поступил в Литературный институт. И тогда мы с моей сестрой Таней, которая тогда — по сравнению со мной — была уже зрелой рязанской поэтессой, решили показать Солоухину наши стихи. И позвонили ему домой и сказали, что мы хотим показать ему свои стихи. И он сказал: «Бросьте мне их в почтовый ящик»... И посмотрел их и... рекомендовал нас обеих в Литературный институт. Но сестра не стала там учиться, сказала: «Нам хватит одного института на двоих», — да она и не могла туда поступить, потому что после 9-го класса бросила школу и ушла работать официанткой в ресторан, и у нее не было аттестата об окончании десятилетки. А я поступила, на дневное отделение поэзии, в 1972 году. И на радостях написала стихотворение «Я студентка! Я живу в столице!..»:

Ах, Москва! Она неповторима —
Понимаю это все ясней
И, как сахар быстрорастворимый,
Растворяюсь, растворяюсь в ней.

Я училась в Литературном институте с удовольствием и с пользой для себя и своего развития целых 5 лет! И не мечтала ни о каком другом вузе! Причем я попала в семинар, в группу Евгения Ароновича Долматовского, автора знаменитых песен «Моя любимая», «Случайный вальс» («В этом зале пустом мы танцуем вдвоем»), «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы», «Ой, Днепро, Днепро», «Комсомольцы-добровольцы», «Венок Дуная», «Сормовская лирическая», «А мы случайно повстречались», который очень хорошо относился ко мне и всегда защищал меня, если на семинаре кто-то из студентов критиковал меня за мой стиль наив-примитив, который кому-то казался слишком простым, и за мою частушечность, которая передалась мне от моей мамы, частушечницы, и проникла в мои стихи. Долматовский говорил: «Ребята-ы-ы... Вы ничего не понимаете. Этот стиль на самом деле не такой простой. Он требует особого высокого мастерства». Евгений Долматовский был профессор в технике стихосложения, в теории стиха, и я помню все литературные заповеди моего институтского

учителя и следую им в своей практике. Мы переписывались с ним, когда я по окончании института вернулась в Рязань. А в 1979 году я выпустила в фирменном издательстве «Советский писатель» и послала Евгению Ароновичу свою первую книгу стихов «Разбег» с таким автографом:

Институтский мой учитель,
Мой учитель — не мучитель,
Как идут мои дела?
Я вот книгу издала.
Вы — профессор, Вы — мудрец,
Я, скажите, молодец?

Он написал мне: «Ты — молодец, Нина! Я в тебя, в твою творческую душу верил с первого курса!» А когда Совещение молодых писателей во главе с Андреем Дементьевым рекомендовало меня с моей книгой в Союз писателей СССР, он радовался за меня и гордился мной, «как нянька старая» у Пушкина, и говорил: «Ай да моя Нинка!». А когда я в 90-х годах переехала из Рязани в Москву, он приглашал меня к себе в семинар: «Приходи! Я тебе бенефис устрою! И, может быть, помогу тебе чем-нибудь». Но вскоре его сбила машина, он впал в кому и через несколько месяцев умер. А его жена Мирослава Ивановна попросила меня написать мемуары о нем для

коллективной книги, которую готовилась выпустить. И я написала их, и Мирослава Ивановна похвалила меня, но через какое-то время внезапно умерла, хотя была намного моложе Евгения Ароновича, и книга о Долматовском так и не вышла. Я потом напечатала свои мемуары в журнале Юрия Кувалдина «Наша улица». И если бы меня спросили: у кого из всех, кто вел в Литературном институте семинар поэзии, ты хотела бы учиться, если бы снова поступила туда?» — я ответила бы: «У Евгения Долматовского!» Спасибо ему за все!

— Все эти годы ты жила в общежитии Литературного института. Какая там была атмосфера?

— Атмосфера в общежитии Литературного института в то время была творческая. Студенты жили по двое в комнате. Причем студенты были не только русские, но и нерусские, разных национальностей, «дети разных народов», из разных республик Советского Союза — белорусы, украинцы, таджики, дагестанцы, латыши, львовские поляки, также и болгары из Болгарии, чехи и словаки из Чехословакии, африканцы из Эфиопии и Йемена... Все ходили в гости друг к другу, к своим соседям по этажу. Показывали и читали друг другу свои новые сочинения. Пили чай.

А кто-то и что-то покрепче. Разговаривали по душам. Готовили на общей кухне еду. Дагестанцы, например, варили в казанах плов, угощали со-кашников пловом... Никаких драк и конфликтов между студентами не было.

Я на первом курсе, в первом семестре, жила в комнате с русскоязычной поэтессой из Белоруссии Светланой Бартоховой (она сейчас известный в Минске драматург). А потом я вышла замуж за студента со второго курса, русскоязычного поэта из города Каменец-Подольский, с Западной Украины, который был старше меня на 4 года, а мама у него была учительницей украинского языка. И мы жили с ним в «семейном крыле» общежития. Считались образцовой парой. И, глядя на нас, многие студенты тоже начали жениться. Но я после института развелась с ним. Не потому, что он был украинцем, а потому, что он болел «редкой русской болезнью», алкоголизмом... Пять лет был «в завязке» и не пил, но потом проректор по хозяйственной части, не зная о его болезни, захотел сделать его комендантом общежития, а меня комендантшей, и муж, как «Мороз-воевода с дозором», стал обходить-обхаживать «владенья свои», ходить по комнатам студентов, проверять там порядок, смотреть, что там и как, и ему везде подносили винцо, и он запил со страшной силой и слетел с катушек,

и я еле проводила его из Москвы к нашим друзьям в Ставрополь, а сама уехала в Рязань и там развелась со своим неблаговерным без его присутствия.

Ау моего однокурсника Сергея Каратова есть стихи о том, что в общежитие иногда захаживали классики литературы нашего времени и разделяли со студентами трапезу, но мне не приходилось почти никого из них видеть в общежитии, кроме как на каком-нибудь официальном мероприятии, где я здоровалась с ними и всё. Говорят, что Владимир Костров и Юрий Кузнецов бывали в общежитии, с неофициальным визитом, и что Кузнецов однажды выпрыгнул в окно (перепутал окно с дверью?) и едва не разбился, но повис на ветвях дерева и отделался тем, что сломал себе ногу. А про Николая Рубцова, который учился в Литературном институте в 60-х годах, рассказывали, что он поснимал со стен общежития в коридоре портреты Пушкина, Некрасова, Гоголя, Достоевского, Толстого и унес их к себе в комнату и расставил на полу, с четырех сторон. А дежурная прибежала к нему и стала ругать его: «Ты стащил портреты, верни их назад». — А Рубцов сидит в кругу классиков XIX века и говорит ей: «Не мешайте мне общаться с великими».

— Ты общалась со многими известными поэтами, писателями — Солоухиным, Старшиновым, Астафьевым, Боковым, Жирмунской, Дементьевым, Вознесенским, Евтушенко, Бек... Чему ты у них научилась?

— Судьба сводила меня со многими известными поэтами, писателями на моем «кремнистом пути» литературном, которые становились моими друзьями, наставниками и покровителями и помогали мне идти в большую литературу и реализовывать себя, то есть сыграли каждый свою большую и хорошую роль в моей жизни.

Владимир Солоухин, как я уже сказала, рекомендовал меня с моей сестрой в Литературный институт, потом помог мне издать в фирменном издательстве «Советский писатель» мою первую книгу стихов «Разбег», рекомендовал меня, а позже и мою сестру в Союз писателей... Николай Старшинов печатал меня и мою сестру в альманахе «Поэзия» и в антологиях... Виктор Астафьев на пару с Романом Солнцевым опубликовал меня и мою сестру в антологии провинциальных поэтов «Час России», приглашал меня с группой Союза писателей в Сибирь, на «Литературные встречи в русской провинции»... А Виктор Боков — на свои авторские вечера в ЦДЛ, ЦДРИ, Дом культуры газеты

«Известия», где я, кстати сказать, познакомилась с певцом и композитором Анатолием Шамардиным, который написал на мои стихи около 20-ти песен... А с Тamarой Жирмунской я познакомилась и выступала во Владимирской области, на Фатьяновском празднике, а потом и в Москве... А Андрей Дементьев печатал меня в журнале «Юность» и приглашал меня участвовать в телепередачах «Голубой огонек» и «Станколит» и в вечерах молодых московских поэтов то в Манеже, то в Каминном зале ЦДРИ, и писал обо мне в «Литературном обозрении», и в своем двухтомнике «Всё начинается с любви» как о новом литературном явлении, и, как я уже сказала, рекомендовал меня от Союзвещания в СП СССР, а в 1987 году — в Польшу, на праздник «Варшавская Осень Поэзии», в результате чего я написала биографический роман, в жанре нон-фикшн, «Дунька в Европе»... Кроме того Солоухин и Дементьев, и глава СП Георгий Марков помогли мне в 1984 году получить в Рязани на одну себя (как тогда для членов Союза писателей СССР по закону полагалось) двухкомнатную квартиру, которую я потом, в 1992 году, обменяла (с потерей площади) на Москву. А Андрей Вознесенский приглашал меня выступать на презентациях своих книг то в Доме книги, то в магазине на Кузнецком

мосту, то в магазине «Москва», и писал обо мне и в своих книгах, и в журнале «Огонек», и в журнале «Обозреватель», который выходил в 134 странах мира... А Евгений Евтушенко сделал обо мне большую передачу по радио и сказал, что я владею *«всею палитрой русского языка великолепно»*... А, например, пародист Александр Иванов из любви к моей поэзии писал пародии на мои стихи и таким образом делал мне блестящую рекламу...

К этому перечню я могла бы добавить еще очень многих... Среди них, между прочим, и Александр Солженицын, который на семинаре молодых поэтов в Рязанском отделении Союза писателей, в 1970 году, похвалил меня за лиричность, искренность и неконъюнктурность моих стихов *... Тут и младший друг Солженицына, опальный рязанский поэт Евгений Маркин, у которого

* С Солженицыным я потом увиделась в 1997 году, на отпевании Владимира Солоухина в Храме Христа Спасителя, когда стояла с Анатолием Шамардиным за свечками, а Солженицын стоял сзади меня. Я увидела его и сказала: «Ой, здравствуйте!». Он улыбнулся сквозь усы и бороду, как Саваоф, и благожелательно сказал: «Здравствуйте». Нас потом всех троих, но каждого в отдельности, показали по телевизору, по Первой программе, меня, Солженицына и Толю, который был похож на смуглого, тонколикого Христа. — **Н. К.** 20.07.2024

я до 1971 года, до Литературного института, занималась в литературном объединении «Рязанские родники» и который считал меня очень талантливой, как и мою сестру Татьяну, выделял нас обеих из всех, и который, кстати сказать, в свое время учился в Литературном институте вместе с Беллой Ахмадулиной и Евгением Евтушенко и, как и они, и как впоследствии и я, занимался в семинаре у Евгения Долматовского... Тут и поэт Иван Никонорович Молчанов (1903—1984), который принадлежал к «комсомольскому поколению» Светлова, Безыменского, Уткина, и написал песню «Прокати нас, Петруша, на тракторе», которая сделала его известным, и которого Маяковский когда-то раскритиковал (но тем самым и увековечил!) за стихотворение «Свидание», где «близкая» девушка (пролетарского происхождения, бедная) стала поэту чужой, а «чужая», в «жакете изысканном» (красивая и богатая), стала ему близкой. Молчанов в 1970 году приезжал выступать в Рязань и написал про нас сестрой Таней такие стихи:

(...)

И Таня и Нина — две поэтессы.

Сестренки. Ведь здорово, черт побери!

(...)

И Таня, и Нина... В кого мне влюбиться?

А ну тебя, сердце! В обеих влюблюсь!

Тут и Николай Глазков, который в редакции «Московского комсомольца» за стихотворение «Я студентка! Я живу в столице!» поставил мне 4 с плюсом, а за употребленное там мною по отношению к самой себе сравнение «сахар быстрорастворимый» — 5 с плюсом... Тут и Лев Ошанин, рецензент моей дипломной работы, который написал, что я не растворилась в Москве, а осталась сама собой, сохранила свою индивидуальность... Тут и «косопузый москвич» с рязанскими корнями Сергей Поликарпов, внутренний рецензент моей первой книги «Разбег» и автор статьи о ней в журнале «Москва», который оценил меня по высшему классу... Тут и Арсений Тарковский, который в Доме творчества, в Переделкино, благословил меня с моим «Разбегом» в поэзию, сказал, что у меня грустные стихи, и ему это нравится... Тут и классик латышской поэзии Имант Зиедонис, с которым судьба свела нас в Доме творчества в Дубултах и которому так понравилась моя первая книга, что он предложил мне переводить его стихи с латышского на русский... Тут и писатель Юлий Эдлис, который называл меня «*рязанская Сафо*»... Тут и Лариса Васильева, с которой мы вместе ездили на 1-й Ахматовский праздник в Тверскую область, в Бежецк... Тут и Станислав Лесневский, который приглашал меня на Блоковские праздники

в Шахматове... Тут и Юрий Кузнецов, с которым наши литературные дороги пересеклись в Польше, на празднике «Варшавская Осень Поэзии», а потом и в Рязани и Константинове на Есенинском празднике... Тут и Римма Казакова, и Кирилл Ковальджи, и Татьяна Кузовлева, с которыми я выступала и в своей Рязани, и в Москве... Тут и Александр Тимофеевский... автор не только «Песенки Крокодила Гены», но и многих книг, и автор веселых экспромтов обо мне: *«У нашей Нины — именины. / И мой девиз: "Ни дня без Нины!"»*... Тут и автор «Энциклопедии Хулиганствующего Ортодокса» Иосиф Раскин, который называл меня «из ряда вон выходящим поэтом»... Тут и артист Валерий Золотухин, который был не только артистом, но и писателем, и членом Союза писателей Москвы и успел выпустить при жизни несколько книг о себе и о Высоцком, и о Таганке, и двадцать томов своих дневников... и который написал предисловия к моей книге стихов «Избранное» и к моему сборнику частушек «Залёточка»... и читал на моих вечерах в ЦДЛ мои стихи из книги «Цветы запоздалые», и пел мои частушки, а стихи о Петре и Февронии, которые я написала по его заказу, читал в 16-ти городах России, где открывались памятники этим двум русским святым... Тут и поэт, искусствовед, Президент Академии русского стиха

Слава Лён, который писал, что у меня искусство поэзии рождается не только из жизни, но «из самого искусства», «из игры слов», «из их сочетания между собой», «из совокупления слов»... Тут и главный редактор журнала «Время и мы» (Нью-Йорк) Виктор Перельман, который писал мне, что если бы я жила на Западе и про меня и про мою поэзию прознали, например, феминистки, то они «на всю Америку провозгласили бы» мое «обалденное творчество... последним словом современной поэзии» и я «стала бы властительницей дум» многомиллионной аудитории: *«И какие бы, Нина, у вас были тиражи... Но вы живете в России и пишете для России, которую никогда не променяете... на берег турецкий».*

В перечень известных поэтов, писателей, с которыми судьба сводила меня на моем литературном пути, нельзя не добавить и Николая Новикова, и Натана Злотникова, сотрудников отдела поэзии журнала «Юность», которые благоволили ко мне... Тут и зав. отделом русской поэзии «Литературной России» Аршак Тер-Маркарян, который воспел меня в своей оде: *«Ниночка Краснова — / Рязанская основа... / Тебя носить бы на руках, как образ киносери... / Ты — словно знамя коммунизма, / Которому я присягал!»* (фамилия-то у меня красного

цвета, как знамя. — **Н.К.**)... А из ярчайших представителей моего поколения, с которыми мы вместе шли по большой дороге в большую литературу, нельзя не упомянуть, кроме Татьяны Бек, еще и Юрия Кувалдина, Сергея Мнацаканяна, Александра Щуплова, Александра Шаталова, Николая Дмитриева, и моего рязанского собрата по перу Евгения Артамонова, который подарил мне свое стихотворение: *«Есть три звезды! Они в одном ряду! — Ахматова, Цветаева, Краснова!»*, а из поколения девяностодесятников, которых, как говорится, из артели не выкинешь, надо назвать поэта Германа Гецевича и поэта Валерия Дударева, самого молодого редактора «Юности» 2007—2019 годов, о котором у меня есть такой экзерсис: *«О "Юности" я думаю, о ней. / Ты всех ее редакторóв юней»*... Царствие им всем Небесное. Я говорю сейчас только о тех, кто уже покинул земной мир.

И почти со всеми я дружила. И всем посвящала свои стихи, а кто-то и мне. И у многих я брала интервью. И почти со всеми переписывалась, когда жила в Рязани, а потом в Москве, дарила им свои книги, а они мне — свои, которые я читала с карандашом в руках и о которых писала каждому свои отзывы с подробными лексико-стилистическими анализами. И у всех я училась «чему-нибудь и как-нибудь», училась тому, как

надо и как не надо писать... и как надо и как не надо жить, и как вести себя в очень непростом литературном мире и не уронить, и не потерять себя и сохранить свою душу... и (это я цитирую тебя, Женя Степанов!) *делать только то, «что не делать нельзя».*

Мой главный девиз: «Век живи — век учись!»

— А какие поэты оказали на тебя влияние? Кого ты считаешь своими учителями, кроме, конечно, Евгения Долматовского?

— Все эти поэты, писатели, с которыми сводила меня судьба и с которыми я общалась и с которыми дружила и переписывалась, которых знала лично, они и оказывали на меня свое влияние, их всех я считаю своими учителями, кого в большей, кого в меньшей степени. У всех у них, даже у тех, кто не только старше, но и моложе меня, я училась «чему-нибудь», и не только как-нибудь, а очень серьезно.

А в детсадовском возрасте на меня оказал свое влияние Пушкин со своими сказками о рыбаке и рыбке, о попе и его работнике Балде, о царе Салтане, о мертвой царевне и семи богатырях... И Корней Чуковский с «Мойдодыром» и «Айболитом»... И Сергей Михалков с его дядей Степой... И Агния Барто с Таней,

которая «уронила в речку мячик», и мишкой, которому оторвали лапу... И Зинаида Александрова, автор песни «Маленькой елочке холодно зимой», поэтесса, с которой я потом познакомилась лично, когда послала ей свои детские стихи и получила от нее в ответ доброе письмо и стала переписываться с ней. У нее, кроме песни про елочку, были и другие прелестные стихи, которые я помню до сих пор, например, вот это стихотворение: *«Вот какой у нас арбуз, / Замечательный на вкус»*, которое входило в буквари, или вот это: *«Сшили Тане сарафанчик. / Нет такого у подруг. / Ярко-желтый одуванчик, / Колокольчики вокруг»*.

А в младшем, среднем и старшем школьном возрасте самое большое влияние на меня оказал Сергей Есенин, которого я открыла для себя в 9 лет, благодаря моему старшему брату Владимиру, который привез из армии, из Азербайджана, из города Шамхор, где служил 3 года, книгу Есенина, и я вся зачитывалась ею, хотя...

Мне сестра читать Есенина
Запрещала, не со зла.
Говорила, до Есенина
Я еще не доросла.

Я брала его украдкою
И — действительно, мала —
В сенцах прятала за кадкою
И читала, как могла,

И писала под Есенина,
Стиль стараясь обрести,
Понимая: до Есенина
Мне еще расти, расти...

*11 мая 1979 г.,
Рязань*

Так я написала об этом в одном из своих стихотворений, посвященных моей сестре Тане. Тогда Есенина не проходили в школе, он считался запрещенным поэтом. И если бы не мой брат Владимир, который своим тихим, приятным голосом еще и пел под гитару «Ты меня не любишь, не жалеешь...», я не открыла бы Есенина для себя в свои школьные годы и он не оказал бы на меня такое сильное влияние, какое оказал, когда я только училась писать стихи и выражать в них себя, свою душу, свои мысли и чувства. Как, например, вот в этом стихотворении, которое я написала в 14 лет, в 7-м классе, когда влюбилась в мальчика из соседнего 8-го класса, о чем

ни этому мальчику, ни вообще никому не говори-
ла, и о чем никто, кроме меня, не знал.

А Я ПЛАКАТЬ НЕ СТАНУ

У цветов примятых
Ночью ветер плачет.
Не поймёшь меня ты,
Не полюбишь, значит.

Не поймёшь, и ладно.
Потеряешь, значит.
Пусть в ночи прохладной
Только вечер плачет.

Март 1964 г., Рязань

Кстати, оказала на меня свое влияние своими стихами, близкими к есенинским, и моя сестра Таня, кроме которой я в свои школьные годы не знала лично никаких других поэтесс и которая была для меня наглядным примером и авторитетом в поэзии:

Вновь родные дали,
Топа да болота.
Что-то я устала,
Утомилась что-то...

Отдохнуть мне, что ли,
Под сосной высокой?
Или лучше в поле
Мне уснуть глубоко?

А после Есенина я открыла для себя в школьные годы и Тютчева, стихи которого выписывала себе в тетрадку, а потом и Лермонтова, и Крылова, и Грибоедова, и Некрасова, и Блока, и Маяковского, всех поэтов, которых проходила в школе. И того же Пушкина (уже не только как автора сказок). Но Есенин еще долго был у меня на первом месте:

Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом...

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в Раю!» —
Я скажу: «Не надо Рая.
Дайте Родину мою».

А в 17 лет я настолько прониклась поэзией поэтов XIX века, что писала стихи с использованием их лексики, «томительный», «пленительный», «сладостный». И когда сотрудник газеты «Рязанский комсомолец» посмотрел их, то спросил у меня: «А почему ты, советская

девочка, комсомолка, пишешь стихи языком XIX века?» — «А потому что он кажется мне самым лучшим для изъяснения высоких чувств», — сказала я. Но потом поняла, что писать надо своим языком, на котором ты думаешь и говоришь, и у каждого он свой, хотя владеть надо всеми пластами русского языка.

А из современных поэтов мне тогда, кроме Владимира Солоухина, нравился Роберт Рождественский со своими песнями и с «человеком-два уха», и нравилась Юлия Друнина со своей военной лирикой, и Сильва Капутикян со своей любовной лирикой, и Расул Гамзатов со своими кавказскими стихами.

Причем Расул Гамзатов был первым поэтом, которому я в юном возрасте решила послать стихи. И послала в редакцию «Литературной России», где он значился как член редколлегии. Я тогда не знала, что он пишет не на русском, а на аварском языке, а Наум Гребнев и Яков Козловский переводят его на русский. Но что самое интересное — Расул Гамзатов в ответ на мои стихи прислал мне свою книгу «Высокие звезды», с теплым автографом.

А Юлии Друниной я тоже послала стихи — свои и своей сестры Татьяны. И Юлия Друнина в ответ тоже прислала мне и нам свою книгу с автографом. А через много лет, в 1985 году,

она прочитает с трибуны, на съезде писателей РСФСР, мое стихотворение «Участники войны» и похвалит меня на всю страну, скажет: *«Вот какое прекрасное стихотворение написала молодая поэтесса из Рязани Нина Краснова, какую тему она подняла в этом стихотворении — не только фронтовики у нас участники войны, но и тыловики: женщина, которая стоит у станков и работает на Победу, старуха, которая молится за нашу страну, мальчишки, которые партизаныт, ученый, который "по виду не герой, не орел, но "Илюшу", но "Катюшу" избрёл...»*. Так что *"весь народ у нас — участник войны, и участница войны — вся страна"*».

А с Сильвой Капутикян я через много лет встретила и познакомилась в Малеевке, в Доме творчества... И мы с ней общались там, как две сестры по перу. И она удивлялась и радовалась, что я знаю наизусть ее стихи, например, вот эти, которые перевел с армянского на русский Булат Окуджава: *«Судьба дала мне все, что я хотела, / И лишь любви счастливой не дала, / Чтоб я не остывала и горела / И вечно беспокойною была»*.

На меня и на мое творчество оказали влияние все наши классики русской литературы и XIX, и XX века, которых я открывала для себя

в течение своей жизни, и когда училась в школе, и когда училась в Литературном институте, и когда уже отучилась там. И всех, кто так или иначе оказал на меня влияние, я и считаю своими учителями. В том числе и поэтов Золотого века, и поэтов Серебряного века, которых, разумеется, не знала лично. И обо многих из них, как и о поэтах своего времени, которых я знала или не знала лично, я написала эссе и стихи, например, о Тютчеве, Державине, Блоке, Северяnine, Бальмонте, Волошине, Гумилёве, Есенине и его предшественнике Тинякове, и об Ахматовой, Цветаевой, Пастернаке, Мандельштаме... А многих поэтов, которых я считаю своими учителями, в том числе Пушкина, Лермонтова, Некрасова, я упоминаю и цитирую в своих сочинениях. И все это есть в моих книгах «Цветы запоздалые» (2003), «Четыре стены» (2008), «В Небесной сфере» (2010), «Имя» (2010), и в моем «Избранном» (2011), и в моем двухтомнике «Тайна (2015), и в альманахе «Золотая птица», и в журналах «Наша улица», «Дети Ра», «Футурум АРТ», и в газетах «Поэтоград», «Литературные известия», и в антологиях.

— У тебя прекрасная техника стихосложения и великолепные и очень разнообразные и оригинальные рифмы. У тебя, кроме

традиционных, классических рифм, есть и авангардные рифмы, паронимы, омонимы, омофоны, ассонансы, консонансы, диссонансы, анаграммы, разноударные и магнитные рифмы...

— Как и у тебя, Женья. Поэтому мне особенно близка твоя поэзия. Потому что я, как и Борис Слуцкий, не люблю стихи с плохими, слабыми, неинтересными рифмами, даже если в этих стихах есть поэзия. Особенно не люблю рифмы со смазанными, проглоченными или неточными окончаниями и держащимися иногда всего на одной гласной или на одной гласной и одной согласной, как, например, нередко у Пастернака, и которые я так и называю пастернаковскими: пределы — горела, тени — скрещенья...

Мой литинститутский учитель Евгений Долматовский говорил, что окончания в рифмах должны совпадать, быть точными. И что прилагательные и существительные в рифме должны быть в одном падеже, а глаголы в одном склонении.

Кстати сказать, вот чему надо учиться у Пушкина. У него в этом полный порядок. Если он сказал: «Я вас любил безмолвно, безнадежно», — то уж нипочем он не подставит в качестве рифмы к наречью «безнадежно» прилагательное «нежным», а только наречие «нежно». А если

он сказал: «Я вас любил, любовь еще, быть может...», — то нипочем он не подставит глагол «тревожить» или существительное «тревога» к глаголу «может», а только глагол «тревожит». Чтобы рифма была крепкой.

У меня в ранних стихах было много слабых рифм, которые мне сейчас, может быть, и хотелось бы заменить другими, но я не делаю этого, потому что тогда придется переписывать заново все свои стихи.

Я помню, как меня когда-то восхитили рифмы Евгения Евтушенко «шепотом — что потом», «расстелена — растеряна»:

Ты спрашивала шепотом:
«А что потом? А что потом?»
Постель была расстелена,
И ты была растеряна... (!!!)

И у того же Евтушенко:

Я была у Оки,
Ела яб (о)локи. (!!!)

А у Вознесенского:

Цветаева — Ева цвета. (!!!)

Если б не песец — (который спас голову
поэта во время автоаварии. — *Н.К.*)
Пи...дец! (!!!)

Вот такие рифмы и игры со словом и оказывали на меня влияние и развивали мой поэтический слух. Поэтому и появились у меня свои вот такие рифмы:

В красивом переплете вышел том...
Твоя судьба артиста в томе том.

Ока пела
а капелла.

Этот бес меня бесил,
оставлял меня без сил.

Дива головидная —
голливудная.

Эта икона
инока.

Через логос
пробивается голос.

Эта машина — Машина.

О, путана,
вся сексуальными связями ты опутана.

У меня с годами изменился взгляд на многих моих любимых поэтов, которые считаются классиками. Раньше я чуть ли не боготворила их, а теперь во многих из них разочаровалась. Потому что раньше я разбиралась в поэзии хуже, чем сейчас, и на меня действовал бренд этих поэтов и их прославленность и раскрученность... или еще трагическая биография... И я не обращала внимания на их рифмы.

А вот недавно я начала перечитывать одного из самых любимых моих поэтов и посмотрела, какие у него рифмы. И пришла в ужас от того, насколько они слабые: ногам — хулиган, нечѣсаннѣм — осень, на плечах — освещать, брани — руками, грозы — пузырь, недр — поэт, некрасивыми — в России, махал — башмаках, полей — шлейф, воровал — кора, август — парусом... Это что такое? Рифмы поэта-классика? Да они непозволительны даже для начинающего автора, члена литературного объединения... Прости меня, Господи, если я не права.

У каждого даже очень хорошего и даже гениального поэта есть и сильные, и слабые стихи, и сильные, и слабые рифмы, но не в таком же

количестве столько плохих рифм, как в этом стихотворении, откуда я взяла эти рифмы!

Николай Старшинов говорил когда-то: «В каждом стихотворении у автора должна быть хотя бы одна интересная рифма...» А если ни одной ни в одном стихотворении? У начинающего стихотворца — ладно. А у классика?

— Согласен с тобой полностью. Вообще, профессионалов среди стихотворцев очень мало. Но вернемся в твоё детство. Интересно, а подвал, в котором ты родилась, сохранился?

— Да, сохранился. Он по-прежнему находится около площади Ленина, во дворе моего детства, в «старом дворе», как мы с мамой, сестрой и братьями всегда называли его, когда в 1963 году переехали оттуда, из двенадцатиметровки в трехкомнатную квартиру, на улицу Коммунальную (правда, нас тогда было уже не пятеро, а семеро, с женой брата Владимира Ниной и их сыном, а моим племянником Олегом)... В подвале потом много лет находилась какая-то контора. Я видела однажды вечером огонек электрической лампы в зарешеченном окне. А что сейчас в этой «колыбели детства моего», в этой «святой крепости» «моей души», я не знаю. Ра-

бочие когда-то перестроили помещение подвала по какому-то новому образцу и выровняли, сделали плоскими и выпуклые стены, и полукруглый потолок и передвинули окно со старого места на другое... И сломали старый деревянный, дощатый тамбур, и приделали к подвалу другой тамбур, железный, рыже-коричневого цвета. У меня есть фотографии 2002 года, где мы с сестрой и с Анатолием Шамардиным стоим на фоне этого тамбура. Хорошо, что успели сфотографироваться. А сейчас у этого подвала нет никакого тамбура, и нет никакого окна, только узкая застекленная четырехугольная щель с железной рамочкой и черная железная дверь. Мы с Анатолием и у этого видоизмененного подвала успели сфотографироваться. И что там сейчас, я не знаю. Наверное, какой-нибудь склад.

Про свой рязанский подвал я в 1990 году написала венок сонетов «Подвал», который был, при поддержке Татьяны Бек, напечатан в журнале «Дружба народов» в 1993 году, в № 7. Вот магистрал этого венка — сонет № 15.

15.

В толстенных стенах этого подвала,
Как цветик подземелья, я росла,
В поэзии надежду подавала,
Не разбираясь в тайнах ремесла.

Я в детстве и нужду, и все терпела.
Мне не хватало солнышка в окне,
Таких условий жизни, как в «кине»,
Но я не унывала — песни пела.

Я с братьями росла, с сестрой и с мамой,
В своей семье была я младшей самой,
И только тронь меня какой кобель!..

О, мой подвал! Забыть тебя — нелепость.
Подвал — моей души святая крепость,
Моей души святая колыбель.

Зав. отделом поэзии критик Владислав Залещук написал: «Венок сонетов — сложная поэтическая конструкция европейской выделки... Клеймо самобытности автора, Нины Красновой, на нем несмываемо. Блестяще решена задача создания венка сонетов средствами, характерными для ее поэтики... Тем самым расширены границы

жанра венка сонетов в сторону реалий нашей бременной жизни».

А Виктор Боков написал мне в своем письме 25 ноября 2003 года о моем «Подвале» вот что: «Ни! Тютелька маленькая, синичка перовская, воробышек с улицы Metallургов! (...) Никто еще не писал в венке сонетов о русской бедности, о том, в каких трудных условиях русские люди растут и становятся личностями. (А ты написала.) Ты аристократический жанр сонета сделала барачно-низовым и позволила внести (туда) слово кобель! Мне это очень нравится. У меня к тебе большое сочувствие. Ах, жаль, что я не Савва Мамонтов, и издавал бы я тебя, и посылал бы в Италию, Францию, Японию. Я-то был там, а ты — нет, а то, глядишь бы, и Данте по-новому осмыслила бы!»

— Согласен с Виктором Фёдоровичем Боковым. Жаль, что и я не Савва Мамонтов... А как сложилась литературная судьба у твоей сестры, рязанской поэтессы Татьяны Красновой?

— У меня есть такие стихи, которые я посвятила ей. Они вошли в мою первую книгу «Разбег» 1979 года. И я читала их в том же году по Первой программе телевидения, на «Голубом

огоньке», куда меня рекомендовал после Сове-
щения молодых писателей Андрей Дементьев.

СОЛНЦЕ... ПО КАПЛЯМ

Сестре Тане

Люди, люди... Расту без солнца,
Как и травам, не просто им.
Мы с тобой под огромным небом
Очень маленькие стоим.
А над нами все шире тучи,
Все сильнее над нами дождь.
Собираем... по каплям солнце
В блюдца розовые ладош.

1969 г.,

Рязань

Сейчас эти стихи вошли в CD-альбом «Нина 2024» артиста Московского академического музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, певца Павла Щербинина, который читает там под свое музыкальное сопровождение 16 моих стихотворений, среди которых, кстати, и «Две фотокарточки» («Я не знаю тебя, отец»).

А у моей сестры Татьяны есть такие стихи, которые она посвятила мне:

* * *

Ты же сильная, очень сильная
И красивая очень, да.
Пусть пройдут эти слезы ливнями,
Эта горечь пройдет навсегда.

Ну откройся глазами синими.
Боль — не боль. И беда — не беда.
Ты же сильная, очень сильная.
И красивая очень. Да.

1969 г.,
Рязань

И еще вот такие, которые она тоже посвятила
мне:

СЕСТРЕ

Да, конечно, мы похожи.
Знаешь, милая сестра,
Всяк из нас одно и то же:
Грусть твоя во мне остра,
Боль твоя моею стала.
Мир наш нами неделим.
Я всегда тебя считала
Продолжением своим.

Как и я, себя погубишь,
В сердце страха не тая.
Ты же веришь, ты же любишь,
Ты же плачешь, как и я*.

8 декабря 1970 г.,
Рязань

Татьяна — сильнейшая рязанская поэтесса, каких сейчас нет в Рязани, таких, как она. Мы с ней когда-то вместе ходили в литературное объединение «Рязанские родники», которым руководил Евгений Маркин, и в клуб книголюбов Альберта Куликова при магазине «Книжный мир» и вместе выступали там. А когда я начала печататься в «Рязанском комсомольце» и в «Ленинском пути», там стала печататься и Татьяна. А когда я училась в Литературном институте, а потом окончила его и стала печататься в центральной периодике, там стала печататься и Татьяна, куда я носила ее стихи вместе со своими. И она печаталась и в альманахе «Поэзия» у Николая Старшинова, и в журнале «Октябрь»,

* Вариант:
Как и я, казнить будешь
Жизнью, страха не тая,
Как и я, её полюбишь
И разлюбишь, как и я.

и в журнале «Молодая гвардия», и в альманахе «Истоки»... Но не так активно, как я, потому что мне везде говорили: «Нина, ну зачем ты таскаешь с собой весь куст Красновых? Давай нам только свои стихи. Не может быть в поэзии двух Красновых. Пусть Таня возьмет себе псевдоним». А когда меня приняли в Союз писателей СССР и я стала выступать в Рязани и в Рязанской области от нашего бюро пропаганды художественной литературы, Татьяна везде стала выступать вместе со мной, и с нами за компанию чаще всего был Анатолий Сенин. А когда у меня стали выходить книги в Москве, я стала посылать в издательства и рукописи книг своей сестры, но мне возвращали их назад. А когда в Рязани появилось свое издательство «Рязанское узорочье» и глава Рязанского отделения Союза писателей Анатолий Овчинников предложил мне выпустить там мою книгу, я сказала ему: «Издайте книгу моей сестры, потому что у меня уже 4 книги, а у нее ни одной, а мою издадите потом». И в 1992 году в «Рязанском узорочье» вышла, тиражом 3.000 экземпляров, книга Татьяны «Будни», которую я помогла ей составить и которую сама отпечатала на машинке. А потом я помогла Тане собрать рекомендации для вступления в Союз писателей, одну взяла у Владимира Солоухина, который когда-то рекомендовал нас обе-

их в Литературный институт, где сестра не стала учиться, вторую рекомендацию взяла у Марины Тарасовой, которая приезжала в Рязань на Есенинский праздник. И Татьяну приняли в Союз российских писателей. А я переехала в Москву, не на пышные хлеба, а на великие испытания... А Татьяна почти бросила писать стихи. А книги за свой счет издавать не хотела, и говорила, что так издаются только графоманы. А я за свой счёт не могла издать их ей, потому что не гребла деньги лопатой и работала на литературной ниве бесплатно. И только в 2003 году, когда Татьяна получила от администрации Рязани грант, мы с ней собирались подготовить новую рукопись ее книги. Но 3 апреля 2003 года Татьяна умерла, от обширного инфаркта, дома, в своей постели, в присутствии нашей мамы, которая умерла вслед за ней, через месяц, 31 мая, от инсульта. И обеих я и наши близкие родственники похоронили в Солотче, на нашем родовом участке. И потом я подготовила рукопись новой книги Татьяны «Покой», и написала свое предисловие к ней, и эта книга вышла в 2004 году, тиражом 1.000 экземпляров. Она есть в рязанских библиотеках, как и книга «Будни»... Недавно в антологии «Война и мир» под редакцией Бориса Лукина, в самой большой и самой полной антологии стихов о Великой Отечественной войне, вышли наши с Татьяной стихи

о войне и связанные с войной. А скоро выйдет и антология поэзии рязанских поэтов, которые ушли в мир иной. Там будет и моя сестра Татьяна Краснова. Царствие ей Небесное.

— Какая трагическая судьба!.. Слезы наворачиваются на глаза. А кто-то еще в вашей семье писал стихи?

— Мой старший брат Владимир Краснов (1937—2001), токарь и электрик по профессии, который не имел высшего образования, но очень любил поэзию, писал стихи в армии, где служил целых три года, на Кавказе, в городе Шамхоре, в Азербайджане. Я видела наброски стихов брата на полях есенинской книги, которую он привез с собой в Рязань:

Кавказ, Кавказ! Тебя я ненавижу.
Какой дурак воспел твои вершины?

На самом деле мой брат Владимир любил Кавказ. Но почему написал такие строчки о нем, в пику Пушкину с его стихотворением «Кавказ подо мною. Один в вышине / Стою над снегами у края стремнины?» Да потому что Пушкин прогуливался себе по горам, как великосветский денди, отдыхал на лоне природы, медитировал

и слагал стихи, воспаря душой к «отдаленным вершинам». А мой брат Владимир, простой ефрейтор советской армии, во время солдатских учений «лазил» по этим самым горам при сорокаградусной жаре и, рискуя свалиться вниз, карабкался к этим «отдаленным вершинам», вверх — во всем своем солдатском обмундировании, со всей амуницией, со всем своим снаряжением, и с тяжелым рюкзаком, и с автоматом и рацией, поскольку был еще и радистом... Его можно понять, как и его горько-ядовитую, насмешливую, но всё же и добрую иронию над воспевателем вершин Кавказа. Были у моего брата Владимира и еще какие-то наброски стихов, но они не сохранились.

Мой второй брат Вячеслав Краснов (1943—2018), специалист по электронике и автоматике, который окончил ЛГУ (Ленинградский горный университет) и имел техническое образование, мог иногда сказать что-то в рифму, но стихов не писал. Зато, как и Владимир, с уважением относился к нашему с Татьяной литературному творчеству.

— Что ты думаешь о современном литературном процессе? Что тебя в этом смысле радует, а что огорчает?

— Современный литературный процесс у нас в стране, слава Богу, не прекращается. А даже набирает силу и обороты. Хотя не все в этом смысле радует. Радует то, что у поэтов, писателей не пропадает желание писать и издавать книги, хотя бумажные книги, да если еще и слишком объемные, сейчас мало кто, особенно из представителей нового поколения, читает, и это не может не огорчать.

Радует то, что каждый автор, человек с творческой жилкой, у нас сейчас может издавать свои книги, были бы у него деньги. Но, с другой стороны, это и огорчает.

В советское время поэты, писатели издавали книги не за свой счет, а за счет государства. Правда, далеко не все это могли, а только те авторы, на чьи рукописи кто-то из авторитетных известных поэтов, писателей, писал положительные внутренние рецензии и рекомендовал рукописи к изданию. И ни одна книга не могла выйти без таких внутренних рецензий, без одобрения писателей-профессионалов. То есть она должна была пройти через некий профессиональный литературный контроль (через «худсовет») и должна была быть более или менее высокого технического уровня и более или менее хорошего литературного качества.

А сейчас авторы издают книги без всяких внутренних рецензий и за свой счет. И любой

автор может издать любую свою книгу, если у него есть деньги на это. Причем книги выходят быстро, не через несколько лет, как раньше, а через несколько месяцев, а то и недель.

И что получается? Если у тебя есть деньги, то ты — кум королю и можешь издавать свои книги, пожалуйста!.. Даже если ты бесталанный автор и твои книги гроша ломаного не стоят. А если у тебя нет денег, то ты ничего и не издашь, даже если ты очень талантливый. И это огорчает. Как и то, что плохих книг, слабых во всех отношениях, появляется сейчас несравненно больше, чем хороших, и они захлестывают рынок, заполняют собой все литературное пространство и портят у читателей вкус и отбивают у них интерес к книгам и к литературе вообще. Это не может не огорчать и огорчает.

Что касается цензуры. Да, в советское время существовала жесткая цензура, а сейчас ее нет. Но когда смотришь на иные книги, которые выходят в свет и стоят на витринах наших книжных магазинов, и когда видишь, что-о-о такое они пропагандируют, то невольно думаешь: цензура сейчас не помешала бы. И не только в сфере литературы, но и во всех сферах искусства, и в театре, и в кино, и на эстраде с раскрученными «псевдозвездами», которых раньше не только на профессиональную, но и на самодеятельную

сцену и на порог самого захудалого клуба «районного масштаба» не пустили бы.

Что касается тиражей... В советское время все книги выходили не такими, как сейчас, а, например, 50-тысячными и 100-тысячными тиражами, и распространялись по всей стране, и попадали не только в магазины, но и во все библиотеки. А тираж 20 и 10 тысяч экземпляров, каким был, например, тираж молодого поэта, считался маленьким. Сейчас тираж 100 экземпляров уже считается нормальным, а 500 — хорошим, а 1000 экземпляров — большим. И это не может не огорчать и огорчает. Потому что хорошие книги не доходят до читателей. Но с другой стороны не только хорошие книги с маленькими тиражами не доходят до большого количества читателей, но и плохие тоже. И это радует. Как говорил Конфуций, ни о чем нельзя однозначно сказать, хорошо это или плохо.

К тому же сейчас авторы могут размещать свои книги, а точнее — электронные версии своих книг, в интернете, и таким образом увеличивать свои тиражи во много раз, как и количество читателей, которые могут читать их в любой точке планеты. И это радует, если книги хорошие. А если нет, то — увы...

Что касается гонимых, этой не менее больной темы, чем тиражи... В советское время

писатели, авторы своих книг, не только издавали книги за счет государства, а не за свой счет, но еще и получали за каждую свою книгу гонорары, на которые могли жить и писать новые книги. А еще писатели тогда получали гонорары за свои публикации в периодике и за свои выступления, например, от бюро пропаганды художественной литературы. А в наше постсоветское время никто никаких гонораров писателям за их книги и за публикации в периодике и за выступления не платит. И это не может не огорчать и огорчает. То есть в наше время у нас профессия писателя уже не профессия, а хобби, как очень точно сказал ты, Женя, на одном из недавних вечеров в Гостиной Союза писателей XXI века. Но, с другой стороны, авторы, которые писали книги только ради денег, ради гонораров, не выдержали проверку и испытание безгонорарьем и ушли из литературной сферы в другую сферу и нашли себе другую работу и другое применение. Произошел естественный отбор и естественный отсев авторов, которые не могут бескорыстно служить литературе, из любви к ней, а не к гонорарам. И это радует.

Правда, многие из них прибились к различным литературным кормушкам, откуда активно выкачивают деньги, как нефть из нефтяной трубы, в то время, как талантливые авторы, что

называется, сосут лапу... Это не радует, а огорчает... не тех, кто качает деньги, а тех, кто сосет лапу.

Но все же и в наше время хорошие писатели могут получить поддержку от государства, через Союз писателей... поддержку в виде государственной стипендии от Министерства культуры, если они сумели проявить себя как писатели и общественные деятели в хорошем качестве и зарекомендовать себя с лучшей стороны. Это не может не радовать.

— Над какой книгой ты сейчас работаешь?

— В 2023 году в издательстве «Вест-Консалтинг», в твоём, Женья, издательстве, вышел мой альманах «Эолова арфа»-9 с подзаголовком «Олигарх стиха», посвященный 90-летию Андрея Вознесенского, весь о жизни и творчестве поэта, 506 страниц, с фотовкладками. Часть денег на это издание мне выделил Фонд им. Андрея Вознесенского. Спасибо за этот грант Фонду во главе с Э.Б. Богуславской и Л.Б. Богуславским.

А в 2024 году, в твоём же издательстве, вышло два новых тома моей трилогии, которая оказалась четверологией, о певце и композиторе, инязовце, филологе, полиглоте, солисте Утёсовского оркестра 70-х годов Анатолии Шамардине

и его окружении «Золотой самородок из Хасаута-Греческого» — том 3, посвященный 85-летию Анатолия, 488 страниц, и том 4, посвященный 10-летию со дня его смерти, 512 страниц, тоже с фотовкладками. Слава Богу! И спасибо Министерству культуры и Союзу писателей Москвы во главе с Е. Ю. Сидоровым и Союзу профессиональных литераторов за материальную поддержку в форме творческой стипендии, без которой мне было бы не по силам осуществить свои творческие проекты.

Уже прошла презентация «Эоловой арфы»-9 в Доме Ростовых, и презентации двух новых томов «Золотого самородка...» в Доме-музее Достоевского и в литературно-просветительском центре Союза писателей XXI века «Сосновый Пегас».

Недавно я, как ты знаешь, подготовила книгу о твоей, Женя, поэзии, написала эссе о твоих стихах на материале твоей прекрасной книги «Младший брат травы». Потому что я очень люблю твое творчество и считаю тебя классиком нашего времени. И мне давно хотелось написать о твоих стихах, проанализировать их, сказать, как я воспринимаю, понимаю и чувствую их и что вижу и нахожу там. Я очень рада, что эта моя книга выйдет в твоём издательстве «Вест-Консалтинг», в серии «Литературоведение» и откроет собой эту серию.

А сейчас я, как многостаночник, работаю над новыми книгами, над книгами мемуаров о некоторых моих литературных учителях, о моих старших товарищах по «кремнистому пути» литературному и о поэтах моего поколения, о семидесятниках... Собираюсь сделать книгу о Рязани и о Солотче, о своих корнях, о своем детстве, отрочестве и юности, о своей маме и о нашей семье, и о своих земляках, и, конечно, о своих рязанских собратях и сосестрах по перу... Но в первую очередь я хочу подготовить новую книжечку своих стихов, потому что давно не издавала их с 2015 года, когда в «Вест-Консалтинге» вышел мой двухтомник «Тайна». Может быть, я составляю сборничек из тех стихов, которые у меня выходили в периодике, в твоих, Женя, газетах и журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Зарубежные записки», «Поэтоград», «Литературные известия», и добавлю к ним что-то новое. Желаю себе успеха и улыбки Фортуны, как и тебе, моему другу не по несчастью, а по счастью, которым для нас является творчество и реализация нашего творчества!

*18—21—25 июля 2024 г.
Москва*

Вопросы задавал Евгений СТЕПАНОВ

Вехи биографии Нины Красновой

15 марта 1950 г. — родилась в Рязани, в роддоме на ул. Полонского, 7, и до 13 лет жила с мамой, двумя старшими братьями и старшей сестрой в подвале на ул. Революции (Соборной), 52, около площади Ленина.

1952—1957 гг. — ходила в круглосуточный санаторный детский сад на улице Пролетарской, на пятидневку.

1957 г. — с сентября по декабрь училась в средней школе № 2 на ул. Революции (Соборной), в 1-м классе.

1957—1964 гг. — с третьей четверти 1-го класса по восьмой класс училась в восьмилетней Рязанской школе-интернате № 1 на ул. Полетаева, 14.

1964—1967 гг. — училась в средней школе № 17 на площади Победы.

1967—1968 гг. — два лета работала пионервожатой и руководительницей кукольного кружка и режиссером-постановщиком кукольных спектаклей в пионерлагере «Комета», в деревне Ласково Рязанского района Мещерской ветки,

кроме того была юнкором и внештатным корреспондентом газеты «Рязанский комсомолец».

1968—1971 гг. — работала литсотрудником в газете «Ленинский путь» Рязанского района, в отделе искусства, культуры и быта, в поселке Соколовка, занималась в литературном объединении «Рязанские родники» при Дворце профсоюзов, которое вел опальный поэт Евгений Маркин, младший друг Александра Солженицына.

1970 г. — участвовала в семинаре молодых поэтов Рязани, который проходил в Рязанском отделении Союза писателей, получила о своих стихах хороший отзыв от Александра Солженицына.

1971 г. — поступала в Литературный институт, но не поступила, хотя прошла творческий конкурс 100 человек на одно место и хорошо сдала экзамены и набрала нужное количество проходных баллов.

1971—1972 гг. (с сентября по август) — работала по лимиту на Московском хлебозаводе № 6, пекарем-выборщиком, и раз месяц посещала народный университет при Центральном Доме литераторов, где выступали известные поэты.

1972—1977 гг. — училась в Литературном институте им. А.М. Горького, куда поступила

по рекомендации Владимира Солоухина, занималась в творческом семинаре Евгения Долматовского, окончила институт с присвоением квалификации «литературный работник».

1973 г. (31 января) — на первом курсе вышла замуж за студента заочного отделения поэзии Литературного института Виктора Андреевича Шамрая (1946), русскоязычного поэта из города Каменец-Подольский, с западной Украины, расписалась с ним в Каменце-Подольском, в Красиловском райотделе ЗАГСа, во время зимних каникул. Потом помогла ему перевестись в институт с заочного отделения на очное.

1973 г. — впервые опубликовала свои стихи в Москве, в альманахе «Поэзия», главным редактором которого был Николай Старшинов, потом регулярно печаталась там до закрытия альманаха в 1992 году.

1975 г. (30 октября) получила от Центрального Комитета ВЛКСМ и Министерства высшего и среднего образования СССР значок с удостоверением «За отличную учебу».

1975–1976 гг. — по совместительству с учебой работала при Литературном институте дворником.

1976—1978 гг. (по 1 февраля) — работала при Литературном институте и кладовщицом, и машинисткой машбюро.

1977 г. — впервые опубликовала свои стихи (с врезкой Владимира Солоухина) в журнале «Москва», главным редактором которого тогда был Михаил Алексеев, потом печаталась там при Владимире Крупине.

1978 г. — впервые опубликовала свои стихи в журнале «Юность», главным редактором которого был Борис Полевой, а его заместителем Андрей Дементьев, потом регулярно печаталась там.

1978 — уехала из Москвы назад в Рязань, где руководила литературным объединением «Рязанские родники», при Дворце профсоюзов, состояла в редколлегии литературной газеты «Рязанское узорочье», выступала в районах Рязанской области от бюро пропаганды художественной литературы и в Константинове на Есенинских праздниках и переписывалась со всеми своими литературными учителями, редакторами, собратьями по перу, живущими в Москве, от которых была оторвана.

1978 г. (26 октября) — развелась у себя в Рязани со своим мужем Виктором Андреевичем Шамраем, без его присутствия.

1979 г. — выпустила в Москве, в издательстве «Советский писатель» свою первую книгу стихов «Разбег» и попала от журнала «Юность» на всесоюзное Совецание молодых писателей, в семинар Андрея Дементьева, Натана Злотникова, Евгения Храмова, Рыгора Бородулина и Геворга Эмина, которое рекомендовало молодую поэтессу в Союз писателей СССР.

1979 г. — выступила со своей первой книгой «Разбег» по Первому каналу Центрального телевидения, в передаче «Голубой огонек», куда попала по рекомендации Андрея Дементьева, выступала также с молодыми московскими поэтами в Каминном зале ЦДРИ, на вечере, который вел Андрей Дементьев.

1980 г. — была принята в Союз писателей СССР (членский билет № 0469. 4.III.1980).

1982 г. — была в Доме творчества, в Дубултах, познакомилась там с латышским поэтом-классиком Имантом Зиедонисом и по его просьбе сделала переводы его стихов с латышского на русский, которые ему очень понравились и которые потом появились в журнале «Юность».

1984 г. — выпустила в Москве, в издательстве «Молодая гвардия», свою вторую по счету книгу стихов «Такие красные цветы».

1984 г. (27 июня) — получила от Союза писателей СССР квартиру в Рязани, в микрорайоне Дашково-Песочня на ул. Новоселов, двухкомнатную, поскольку членам Союза писателей тогда полагалось по закону 20 дополнительных метров под архив и библиотеку. За Нину ходатайствовали Владимир Солоухин, Андрей Дементьев и глава СП СССР Георгий Марков.

1984 г. — выступала по рекомендации Андрея Дементьева на заводе «Станколит», с Юрием Поляковым и Геннадием Красниковым, снималась для телепередачи о дружбе народов, которая была показана по Центральному телевидению в мае.

1984 г. — познакомилась на Есенинском празднике в Рязани и Константинове и подружилась с поэтом Виктором Боковым и по его приглашению ездила на его юбилейный вечер в Большой зал ЦДЛ, где выступали Андрей Вознесенский, Людмила Зыкина, Татьяна Реброва, Александр Бобров, автор песен на стихи Бокова Анатолий Шамардин.

1985 г. — стала переписываться с Виктором Астафьевым, который вместе с Романом Солнцевым, в пику московским поэтам, выпустил коллективный сборник «Час России», со стихами

провинциальных поэтов и включил туда стихи сестер Красновых.

1986 г. — выпустила в «Советском писателе» свою третью книгу стихов «Потерянное кольцо».

1986 г. — выступала от Рязани на Фатьяновском празднике в городе Вязники, познакомилась там с Тамарой Жирмунской и Татьяной Бек, стала переписываться с ними и обмениваться книгами по почте, познакомилась также с юным владимирским композитором Андреем Семёновым, подарила ему свою книгу «Такие красные цветы», на стихи из которой он написал песню «Старые пластинки», а позже, на 6 стихотворений из книги «Плач по рекам» — «Сюиту для голоса и виолончели», потом отслужил в армии, создал свой музыкальный центр и стал музыкальным руководителем театра «Эрмитаж» в Москве.

1987 г. — весной выступала в Москве, в Манеже на вечере поэзии, который вел Андрей Дементьев.

1987 г. — в сентябре по рекомендации Андрея Дементьева впервые ездила от Иностранной комиссии Союза писателей СССР за границу, в Польшу, на праздник Варшавская Осень Поэзии, где познакомилась с Юрием Кузнецовым и Григорием Виеру.

1987—1989 гг. — написала автобиографический роман «Дунька в Европе» (1126 страниц на машинке) — о Варшавской Осени Поэзии, о России и Польше, о культурных связях двух стран, о новом времени и новой действительности, о перестройке, который был одобрен Владимиром Солоухиным и должен был выйти в «Советском писателе» в 1992 году, но не вышел тогда, а потом издательство перестало существовать.

1988 г. — выступала в Москве, в Доме культуры газеты «Известия» на вечере Виктора Бокова и познакомилась там с певцом и композитором Анатолием Шамардиным, послала ему по его просьбе книгу «Такие красные цветы», на одно из стихотворений которой он написал песню «Вечер в клубе» и с успехом пел ее в своих концертах.

1988 г. — выступала от Рязани в Колонном зале Дома Союзов на Есенинском празднике, а потом на банкете в ресторане Дома литераторов познакомилась лично с Александром Ивановым, с которым она до этого и потом переписывалась как с автором пародий на ее стихи.

1989 г. — выпустила в издательстве «Современник» четвертую книгу стихов «Плач по рекам», последнюю книгу советского времени, послала Анатолию Шамардину, и он написал еще несколько песен на стихи из этой книги.

1990 г. (3 октября) — в день рождения Сергея Есенина выступала по Всесоюзному радио с авторской передачей о Сергее Есенине.

1990 г. — была от Рязани в Театре Армии, на съезде Союза писателей РСФСР, познакомилась там лично с Виктором Астафьевым, с которым до этого переписывалась пять лет.

1990–1991 г. — выступала по Центральному телевидению со своими стихами как участница съезда Союза писателей РСФСР.

1991 г. — выступала по Всесоюзному радио со своими стихами, в авторских поэтических передачах, вступительное слово к одной из которых сказал Владимир Солоухин; выступала также в радиопередаче о частушке, вместе с Николаем Старшиновым и Александром Бобровым.

1991 г. — получила по почте от Иманта Зиедониса, от латышского поэта-классика, его книгу стихов «...обе двери открыты...» (М., «Советский писатель, 1990), переводы с латышского на русский, среди которых переводы

Давида Самойлова, Юнны Мориц, Александра Кушнера и Нины Красновой.

1991 г. — познакомилась с Андреем Вознесенским в редакции журнала «Юность» (а до этого, в 1981 году, в «Советском писателе», но тогда шапочно), послала ему свои книги «Такие красные цветы» и «Плач по рекам», он написал об этом в журнале «Огонек», в статье «Музы и ведьмы XX века», благословил рязанскую поэтессу, землячку Есенина, в поэзию.

1991 г. — после раскола Союза писателей СССР ушла из Рязанского отделения Союза писателей в альтернативный Союз российских писателей (не по политическим, а по своим собственным уважительным причинам), стала членом координационного Совета этого СРП, участвовала в конгрессе интеллигенции и, по приглашению Ларисы Васильевой, в конференции женщин России.

1992 г. — переехала из Рязани в Москву, обменяв свою двухкомнатную квартиру улучшенной планировки на однокомнатную хрущёвку в Перове, подрабатывала корректором в издательстве «Бизнес-центр» и в «Московском рабочем», вычитывала сочинения Маркиза де Сада и Михаила Кузмина.

1993 г. — встала на учет в Союз писателей Москвы (членский билет — 04069. «В связи с переездом писательницы Красновой Нины Петровны из Рязани в Москву принять ее на учет в Союз писателей Москвы. Первый секретарь Союза писателей Москвы Владимир Савельев. 1.III.1993»).

1993 г. — с марта по октябрь работала в машбюро Литературного института машинисткой первой категории.

1993 г. (12 февраля) — с легкой руки Кирилла Ковальджи, который работал в редакции «Московского рабочего», познакомилась там с писателем и издателем Юрием Кувалдиным, подарила ему свою книгу «Плач по рекам».

1993 г. (3 сентября) — впервые после 1988 года встретила с Анатолием Шамардиным у себя в Перове, послушала его песни, пришла в восторг и восхищение от его песен и от него, стала ездить с ним, по его просьбе, в студию Института культуры, смотреть, как он записывает там песни... И стала выступать с ним на литературных и музыкальных вечерах и писать о нем стихи и статьи и нашла в нем самого родного, самого близкого, самого дорогого и самого любимого друга и человека, и самого верного

и надежного спутника жизни, и самого горячего своего поклонника, и больше не разлучалась с ним до самой его смерти, шла с ним бок о бок по «кремнистому пути» жизни и творчества. Шамардин написал 20 песен на ее стихи и пел их по разным каналам радио, и на разных литературно-музыкальных вечерах, и в своих сольных концертах в России и за рубежом.

1994 г. — ездила с Анатолием Шамардиным в Германию, в Баварию, где он с невероятным успехом выступал в Штутгарте и в окрестных городах, написала много стихов об Анатолии и о Германии.

1995 гг. — выпустила в «РИФ РОЙ» у Галины Рой и в издательстве «ЛАВ» две книги своих любовно-эротических стихов «Интим» и «Семейная неидиллия», в своем художественном оформлении, и сама продала оба тиража «на площадях и улицах столицы», хотела издать книгу своих частушек (но дефолт 1998 года обесценил все деньги, вырученные за эти книги).

1995 г. — получила в Лужниках, на турнире поэтов, возглавляемом Верховными Магистрами поэзии Владимиром Вишневским и Сергеем Мнацаканяном, — титул Принцессы Поэзии, а в следующем году — дважды Принцессы,

а затем и титул Королевы любовно-эротической Поэзии России.

1995 г. — была в зале Чайковского на вечере Андрея Вознесенского, подарила ему свои книги «Интим» и «Семейная неидиллия», он написал о них похвальные слова в журнале «Обозреватель», который выходил в 134 странах мира.

1997 г. — была с Анатолием Шамардиным в Храме Христа Спасителя на отпевании Владимира Солоухина, встретила там с Александром Солженицыным, когда стояла в очереди за свечками, потом — вместе с группой писателей — проводила Владимира Солоухина в последний путь до самого села Алепино Владимирской области, до самой могилы. И потом каждый год участвовала в Солоухинских праздниках, которые проходили в селе Алепино.

1997 г. — была на Большой Ордынке, в Ахматовском центре, по приглашению Татьяны Бек, на презентации ее книги «Облака сквозь деревья», где встретила с Юрием Кувалдиным и познакомилась с Евгением Рейном.

1998 г. — в издательстве «Московский Парнас» выпустила книгу «Храм Андрея на виртуальном ветру» — свои заметки о поэзии Вознесенского (на гроши, которые остались после

дефолта, от реализации «Интим» и «Семейной неидилии»).

1998 г. — по рекомендации Николая Старшинова, которую он незадолго до своей смерти дал главному редактору альманаха «Истоки» Галине Рой, стала членом редколлегии этого альманаха и была им почти 10 лет, а после смерти Галины Рой — заместителем нового главного редактора Александра Такмакова, пока не стала выпускать свой альманах «Эолова арфа».

1999 г. — благодаря Юрию Кувалдину напечаталась в журнале Виктора Перельмана «Время и мы» (Москва — Нью-Йорк) и в первом («пилотном») номере журнала Юрия Кувалдина «Наша улица» и стала сотрудничать и сотрудничала с «Нашей улицей» (как до этого и с «Истоками»), на общественных началах, 10 лет, была неофициальным помощником Кувалдина и вместе с музыкальным символом «Нашей улицы» Анатолием Шамардиным была еще и распространителем журнала, пока журнал выходил в бумажном варианте.

2000 г. — опубликовала в 12-ти номерах журнала «Наша улица» свой роман «Дунька в Европе», который написала в 1989 году и который из «горячей прозы» превратился в историческую.

2000-е годы — выступала по телеканалу «Культура» в литературных телепередачах Александра Шаталова.

2003–2013 гг. — выпустила в издательстве «Книжный сад» у Юрия Кувалдина 5 книг стихов, эссе и репортажей — «Цветы запоздалые», с предисловием Юрия Кувалдина (2003), «Наша улица» в отчетах» (2009), «В небесной сфере» и «Имя» (2010), «Избранное», с предисловием Валерия Золотухина (2011), и 6 номеров своего альманаха «Эолова арфа» (№ 1–6).

2003 г., 2 июня — проводила в последний путь свою маму, Краснову Марию Петровну, в девичестве Аношкину (1919–2003), похоронила ее в Солотче, там же, за 2 месяца до этого, 5 апреля, похоронила свою сестру Татьяну (1946–2003), а через 15 лет и брата Вячеслава (1943–2018), а старший брат Владимир умер раньше всех, в 2001 году (1937–2001).

2004 г. — ездила в Польшу, с группой писателей во главе с главным редактором журнала «Москва» Леонидом Бородиным, с Лолой Звонарёвой, Александром Щупловым на литературную конференцию.

2004–2013 гг. — по линии журнала «Наша улица» и по линии журнала «Юность» дружила

с Театром на Таганке, с Валерием Золотухиным, писала статьи о спектаклях Театра и его артистах и о дневниках Валерия Золотухина, делала интервью с ним. В 2013 году вместе с артистами Таганки и родственниками артиста ездила хоронить его в Быстром Истоке. А в 2016 и 2021 годах передала (послала) на Алтай, в Барнаул, в Государственный Музей Искусства, Литературы и Культуры Алтая (в ГМИИКА), директору Игорю Короткову экспонаты для музея Золотухина, которые стали фундаментом мемориального комплекса Золотухина на родине артиста, в селе Быстрый Исток.

2005 г. — выпустила в издательстве «МИГЭК» книгу своих авторских частушек «Залёточка», с приложением маминых частушек, в своем художественном оформлении, со своими графическими юмористическими картинками и с предисловием Валерия Золотухина и высказываниями Виктора Бокова, Виктора Астафьева, Андрея Вознесенского, Алексея Пьянова, Александра Боброва и других известных товарищей по перу о ее частушках.

2008 г. — стала членом приемной комиссии Союза писателей Москвы и стипендиаткой творческой стипендии Министерства культуры Рос-

сии и Союза писателей Москвы, а в 2024 году — еще и членом ревизионной комиссии.

2008 г. — выпустила в «Профиздате» (благодаря ответственному редактору Людмиле Осокиной) книжечку стихов «Нина Краснова», в серии Союза писателей Москвы «Библиотечка поэзии», экспериментальный номер.

2008 г. — впервые выпустила в Рязани, в издательстве у Алексея Бандорина «Старт», книгу своих стихов, экзерсисов и поэм — «Четыре стены», с предисловием Риммы Казаковой и с послесловием Андрея Вознесенского и Владимира Солоухина и с высказываниями Евгения Долматовского, Андрея Дементьева, Евгения Евтушенко, Николая Старшинова, Сергея Поликарпова, Виктора Бокова, Виктора Астафьева, Кирилла Ковальджи, Евгения Рейна, Александра Иванова, Виктора Перельмана, Иосифа Раскина, Александра Тимофеевского, Юрия Кувалдина, Валерия Золотухина, Анатолия Шамардина, Станислава Лесневского, Льва Озерова, Александра Боброва, Геннадия Красникова, Александра Щуплова, Александра Шаталова, Татьяны Бек, Сергея Мнацаканяна, Виктора Широкова, Аршака Тер-Маркарян, Игоря Михайлова, Петра Кобликова, разных известных поэтов, прозаиков, критиков, артистов об авторе книги.

2009 г. — вступила в Рязанский Союз профессиональных литераторов, возглавляемый Алексеем Бандориним, потом туда же вступил и Анатолий Шамардин (не только певец и композитор, но по первому образованию лингвист, филолог, автор великолепных рассказов об артистах, статей о культуре, а также переводов с немецкого сочинений Гёте, Януша Осенки и китайских философов).

2009 г. — стала лауреатом Артиады народов России за издание первого номера альманаха «Эолова арфа».

2009 г. — стала лауреатом премии Николая Рубцова «Звезда полей» за книгу «Четыре стены» и за все творчество.

2010–2011 гг. была с компанией литературных друзей в гостях у Евгения Евтушенко, в Переделкине, и до этого встречалась с ним на его вечерах в Политехническом музее, а в 2014 году Евгений Евтушенко сделал по радио России большую передачу «Поэзия Нины Красновой».

2007–2019 гг. — была членом редсовета журнала «Юность», при главном редакторе Валерии Дудареве, до его смерти в 2019 году.

2010 г. — стала лауреатом премии им. Анны Ахматовой от журнала «Юность».

2012 г. — выпустила с Анатолием Шамардиным CD-альбом «Сон под пятницу», песни Анатолия Шамардина на стихи Нины Красновой в исполнении самого Анатолия Шамардина.

2012 г. — вступила в Союз писателей XXI века, возглавляемый поэтом, прозаиком, издателем, редактором нескольких газет и журналов, режиссером Евгением Степановым, стала активно печататься в его периодике. Выступила на его телеканале «Диалог» в передаче «Визитная карточка писателя» и в последующие годы много раз выступала на этом телеканале.

2013 г. — выпустила в издательстве у Юрия Кувалдина, в «Книжном саде», 6-й номер альманаха «Эолова арфа», посвященный 80-летию Андрея Вознесенского («АнДРЕеВо ДРЕ-ВО»), стала обладателем спецприза «За талант» от Фонда им. Андрея Вознесенского.

2014 г. — проводила в последний путь своего спутника жизни, певца и композитора Анатолия Шамардина (1938—2014), похоронила его на Новосходненском кладбище в городском округе Химки.

2014 г. — выпустила в издательстве Евгения Степанова «Вест-Консалтинг» двухтомник стихов «Тайна» (2014), с предисловием Евгения

Степанова и с отзывами Евгения Сидорова, Кирилла Ковальджи, Вадима Рабиновича, Сергея Филатова, Юрия Крохина, Анны Гедымин, Зульфии Алькаевой, Эмиля Сокольского о поэзии автора «Тайны».

2014 г. — стала Первым секретарем Союза писателей XXI века.

2014 г. — познакомилась и подружилась через писателя Александра Хорта с утёсововедами Амчиславскими, Борисом и Эдуардом, отцом и сыном, одесситами из Нью-Йорка, авторами более десяти книг о Леониде Утёсове и его окружении, основателями музея Леонида Утёсова в Одессе, и по их просьбе прислала им много материалов о солисте Утёсовского оркестра Анатолии Шамардине для Утёсовского музея.

2015–2023 гг. — выпустила в 2015 году в издательстве Евгения Степанова «Вест-Консалтинг» 2 номера альманаха «Эолова арфа», посвященных Анатолию Шамардину («Русский Орфей — Анатолий Шамардин»), а в 2023 году — посвященный 90-летию Андрея Вознесенского («Олигарх стиха»). То есть всего три альманаха.

2018 г. — выпустила две книги — «Ортоксальный хулиган Иосиф Раскин» и «Золотой

самородок из Хасаута-Греческого» об Анатолии Шамардине и его окружении, том 1-й, в серии «Судьбы выдающихся людей» (издательство «Вест-Консалтинг»).

2018–2022 гг. — стала лауреатом международных премий Де Ришелье «Изумрудный Дюк», «Бриллиантовый Дюк», а также «Старая пластинка» им. Леонида Утесова, а также премии имени Анны Григорьевны Сниткиной-Достоевской «Сподвижница» — за исследование жизни и творчества Анатолия Шамардина, а также лауреатом арт-фестиваля «Движение» — за вклад в мировую культуру, и удостоилась звания академика МАРЛИ (Международной Академии Развития Литературы и Искусства).

2019 г. — стала лауреатом премии «Парабола», получила грант от Фонда им. Андрея Вознесенского за творчество.

2020 г. — стала лауреатом премии «Писатель XXI века».

2020 г. — выпустила в издательстве Евгения Степанова «Вест-Консалтинг» 2-й том «Золотого самородка из Хасаута-Греческого».

2021 г. — впервые получила стипендию от Рязанского отделения Союза профессиональных литераторов на издание новой книги, как

постоянный участник и член жюри фестиваля «Под небом рязанским».

2022 г. — выступала по телеканалу «Культура» в передаче Игоря Волгина о Роберте Рождественском.

2023–2024 гг. — выпустила с артистом Московского академического музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, певцом Павлом Щербининым CD-альбом «Посвященный» и CD-альбом «Звезды» («Нина 2024»), где артист читает ее избранные им стихи под музыкальное сопровождение.

2023–2025 гг. — выпустила в издательстве Евгения Степанова «Вест-Консалтинг» 3-й том «Золотого самородка из Хасаута-Греческого», посвященный 85-летию Анатолия Шамардина, и 4-й том, посвященный 10-летию со дня ухода героя четверологии в мир иной. То есть всего выпустила в «Вест-Консалтинге» с 2014 года 7 книг большого объема и 3 альманаха. А недавно, в 2024 году, опубликовала еще одну монографию — «Поэтика Евгения Степанова на примере книги "Младший брат травы"». В 2025 году вышла книга-интервью Евгения Степанова «Жизнь и творчество Нины Красновой».

P.S.

Композитор Андрей Семёнов, зав. музыкальной частью театра «Эрмитаж», написал на шесть стихотворений Нины Красновой «Маленькую сюиту для голоса и виолончели» и песню «Старые пластинки», композитор из Санкт-Петербурга Константин Дюбенко (1958—2024) — хоральный цикл «Сон под пятницу» (на стихи «Милый, милый, не во сне я», «Я видала во сне корову», «Во сне лесные тропки снятся», «Мне сегодня снилась дева» и др.) и несколько романсов, композитор Алексей Карелин — несколько песен, в том числе «Пётр и Феврония», а певец и композитор Анатолий Шамардин — двадцать песен и романсов, а также «Озорные попевки» и «Смешные попевки».

Содержание

Предисловие	3
Биографическая справка	10
Интервью с Ниной Красновой.....	12
Вехи биографии Нины Красновой ...	78

Серия Биография

Евгений Степанов

Жизнь и творчество Нины Красновой

(Книга-интервью)

Редактор — *Фёдор Мальцев*
Корректор — *Сергей Киулин*
Верстка — *Ирина Ракитина*

Бумага офсетная
Формат 70х90/32
Гарнитура Academy
Тираж 100 экз.

Подписано в печать 17.12.2024

Издательство «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
Комсомольский проспект, 73.